

Михаил Анисимов

ИЗБРАННОЕ



Михаил Анисимов

ИЗБРАННОЕ



Москва
2024

УДК 92
ББК 84 (2Рос+Рус) 6 - 75.717.7
А 67

Анисимов, М.К.

А 67 Избранное / Михаил Анисимов. – М.: РОСА, 2024. –
176 с., 16+

ISBN 978-5-6051973-8-6

Очерки и рассказы, стихотворения и песни собраны в этом сборнике как главы единого повествования, раскрывающего дверь в творческий мир автора, в котором отразилась история эпохи перемен, преемственность национальных традиций, формирование мировоззрения личности, обладающей способностью любить родную землю и людей, восхищаться красотой природы и человеческим достоинством, сочувствовать, сопереживать каждому человеку.

УДК 92
ББК 84 (2РОС+РУС) 6 - 75.717.7

ISBN 978-5-6051973-8-6

© Анисимов М.К., текст, 2024
© Издательство РОСА, оформление, 2024

Родная сторона

Родился я в маленьком селе на Белгородчине в 1946 году. Мама работала в колхозе, отец – капитан Красной Армии, нас бросил и ушёл из семьи к другой женщине. Родной брат Николай был старше меня на восемь лет. Сестрёнка Прасковья умерла от простуды в оккупацию – зимой 1942 года, – в грудном возрасте, когда мадьяры выгнали семью из хаты в землянку, устроив в нашем жилище полевую кухню.

Мы с братом в детстве помогали матери, трудились дома и в колхозе, как все деревенские пацаны. Брат любил технику, машины, трактора, мотоциклы и после окончания учёбы в школе уехал в Молдавскую ССР учиться на механика холодильных установок. Там он женился, был призван в армию, и его дальнейшая судьба была связана со службой в Вооружённых Силах СССР. Выйдя на пенсию, он остался в Молдавии, там и умер в 2005 году. Я же в детстве больше занимался музыкой, рисованием, ещё меня увлекала поэзия. Мои детские рисунки учителя долго хранили в школе, а когда нашу начальную школу закрыли, то рисунки пропали. В школьные годы я вёл дневники расписания уроков, и они хранились в семье, но после переездов затерялись. А вот сохранить рукописи ранних стихотворений и рассказов не смог по другим причинам.

Во время учёбы в школе я мечтал поступить в МГУ, и ни о каком другом учебном заведении мыслей не было. Моя мечта осуществилась, и я поступил в 1965 году в МГУ на юридический факультет. Во время учёбы сочинял стихотворения, короткие рассказы-зарисовки, делал записи в блокноте. В 1967 году в студенческом

строительном отряде в Казахстане кто-то украл мой блокнот с записями стихов, который я хранил под подушкой. Друзья подарили мне чистый блокнот, но я перестал делать записи и свои стихи и зарисовки запомнил. Во время службы в армии при убытии на Крайний Север в 1982 году лично два дня сжигал дневники, поскольку в них были записаны документальные рассказы с указанием воинских частей, фамилий, воинских званий героев рассказов. Из района Крайнего Севера был откомандирован в 1985 году в Одесский военный округ, он тогда располагался на территории Украинской ССР и Молдавской ССР. В то время я не имел там жилой площади, а потому обратился к командующему войсками Московского военного округа с просьбой обеспечить мою взрослую дочь жилой площадью – и ей в Брянске была выделена отдельная однокомнатная квартира, а мне на семью из трёх человек уже в Одесском военном округе была выделена отдельная двухкомнатная квартира. Прежнюю забронированную квартиру я сдал КЭЧ Московского военного округа и до 1992 года жил и работал на Украине.

В 1992 году, после развала СССР, я вынужден был уехать из Украины в Россию, поскольку принимать присягу на верность народу Украины категорически отказался. Перед отъездом я выписался из занимаемой жилплощади, взял с собой необходимую одежду и обувь, погрузил вещи в багажник автомашины ВАЗ-2101 «Жигули» и навсегда покинул Украину, оставив квартиру жене. Супруга и дочь умерли на Украине в 2017 году, и весь мой литературный архив и домашняя библиотека, за малым исключением, исчезли там бесследно. Что стало с моей квартирой на Украине и сохранился ли дом, где мы жили, мне неизвестно...

Здесь, на моей малой Родине, построил домик в деревне, заново обзавёлся хозяйством и занялся литературным творчеством. Многие восстановил по памяти, но часть фотографий и документов уже не вернуть. В моём возрасте больше приходится думать о лекарствах...

Я вернулся в край тихий, родимый,
Предо мной – перелески, поля,
Божий храм, прихожанами чтимый,
И постройки родного жилья.

Вот дубрава у старой дороги,
Слева – пруд и родник за мостом.
За пригорком со склоном положим
Луг раскинулся пёстрым холстом.

В травы росные брошусь с разбега
И к ромашкам душистым прильну.
Позвоню своим братьям-коллегам –
Наконец-то нашёл целину!

И пойду я пешком вдоль протоки,
Наслаждаясь мелодией птах.
Здесь и корни мои, и истоки,
И друзья-одногодки в летах!

Навечно в памяти народной

Война – это всегда великое испытание для народа. Военное лихолетье огненным валом обрушилось в июне 1941 года и на нашу семью.

Мой отец, капитан Красной Армии Анисимов Кузьма Семёнович, 1916 года рождения, в Красную Армию был призван в 1937 году. Участник боёв на Халхин-Голе, на фронтах Великой Отечественной войны с 1941 года и до окончания войны в 1945 году. После успешного проведения Прибалтийской стратегической наступательной операции приказом Командующего третьим Прибалтийским фронтом №0482 от 16 октября 1944 года от имени Президиума Верховного Совета Союза ССР, за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество, старший лейтенант Анисимов Кузьма Семёнович награждён орденом Красной Звезды, затем был награждён вторым орденом Красной Звезды и орденом Отечественной войны, двумя медалями «За боевые заслуги», медалями «За оборону Москвы», «За взятие Будапешта», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». Умер в 2004 году.

Дедушка по отцу – Анисимов Семён Антонович, 1889 года рождения, красноармеец, погиб под Воронежем в 1942 году. Место захоронения неизвестно.

Родной дядя, мл. лейтенант Логачёв Никита Степанович. Родился в 1913 году. Окончил в 1935 году Курский педагогический институт, работал учителем математики в одной из школ города Задонска. Когда началась война, у него была бронь, учителей с первых

дней войны в армию не призывали. Но он сказал отцу и матери: «Страна в опасности. Я не могу отсиживаться дома». 24 июня 1941 года был призван по мобилизации в армию, направлен в Орловское бронетанковое училище, а по окончании учёбы в марте 1942 года убыл на фронт. Последнее письмо с фронта родителям он отправил 8 июня 1942 года. В нём он написал: «Мы с взводом уничтожили 10 фашистов. Или умру, или когда-то приеду с Победой. Прощайте и простите меня». 3 июля 1942 года командир взвода мл. лейтенант Логачёв Н.С. погиб в бою под Старой Руссой.

По архивным документам место захоронения установили только в 1980 году. Мл. лейтенант Логачёв Никита Степанович покоится в братской могиле на Давыдовском воинском мемориале, где на надгробной плите увековечено его имя.

Таких, как он, были тысячи верных своей Родине сынов России. Вечная память павшим героям! В цикле моих стихов о Великой Отечественной войне есть стихотворение «Последнее письмо с фронта», посвящённое памяти его и павших вместе с ним воинов. В стихотворении такие строки:

Кто в войну получал похоронки,
Тот не сможет забыть страшных лет.
Зарастают травой воронки,
И свидетелей многих уж нет.

Но осталось письмо от солдата,
Как страничка суровых времён.
Вдруг не стало и сына, и брата –
Вспоминаем сегодня о нём...

Он на фронте сражался в пехоте,
Когда шли повсеместно бои.
«В атаку!» – приказано роте,
И жизни отдали они...

Погибли герои под Энском,
Лавина шла горестных дат...
И долго народ деревенский
Не знал, где сразили солдат.

«Сын убит у деревни Сычёво», –
Скупое так сообщили родне.
В дни былых испытаний суровых
Пал за Родину он на войне...

...Венки на надгробиях-плитах,
Вписали в гранит имена.
И ночами на грань монолита
Скорбно вечная светит луна...

Родители рассказывали, что когда немцы в июле 1942 года оккупировали село, то устроили в нашем доме свою полевую кухню, а нашу семью выгнали в землянку. В лютой мороз моя старшая сестра Прасковья, будучи в грудном возрасте, заболела воспалением лёгких и умерла.

Во время оккупации фашисты захватили в плен наших красноармейцев, и когда гнали колонну военнопленных в концлагерь через село, то на глазах сельских жителей застрелили двух раненых солдат и долго не разрешали хоронить. Только через сутки жители села тайно похоронили убитых бойцов на сельском кладбище. При отступлении фашистские изверги 27 января

1943 года совершили чудовищное злодеяние – заживо сожгли в школе села Гусёк-Погореловка Прохоровского района 300 пленных красноармейцев и 160 мирных жителей – гражданских активистов из Чернянского концлагеря, охранниками которого были мадьяры. Тогда в огне погиб и мой двоюродный дядя Анисимов Пантелей Ефимович. Такое забыть нельзя...

Моего деда по матери – Логачёва Степана Васильевича, 1886 года рождения, немцы дважды пытались угнать в Германию, но дед, участник Первой мировой войны, сумел скрыться от полицаев в окрестных лесах и выжил. Награждён медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». Умер в 1961 году.

Памяти дедушки Степана посвящено моё стихотворение «Печальный рассказ».

Я слышал от деда печальный рассказ,
Какие он пережил муки.
Как сделать рабами пытались не раз,
Пусть помнят потомки и внуки.

Полгода в пылающем сорок втором
Душили фашисты, мадьяры.
Что враг творил – не опишешь пером –
Расстрелы, грабёж и пожары...

Дедуля ютился в землянке сырой,
Была на то старосты воля.
Но вера в Отчизну и сын их, герой,
Не дали свихнуться от горя.

С германцем мой дед воевал молодым,
Всё в прошлом – атаки и ярость.

И снова война, и лавина орды
Обрушила беды под старость.

Как вынес лишенья бывалый солдат?
Пришла похоронка на сына...
А сколько их было, безрадостных дат?
Вконец одолела кручина.

Оплакать ещё не успел он бойца,
А внучка скончалась от хвори.
И горькие слёзы катились с лица
От ноющей внутренней боли...

Глубокую рану оставил тот год –
Враг гнал детвору на чужбину.
Но дед не сломался от страшных невзгод,
Фашистам же нет и помину.

За доблестный труд он медаль получил,
Почёт заслужил у народа.
Уж больше полвека, как дед опочил,
Пример он для нашего рода.

Из рассказов моих родителей также знаю, что в 1946 году в стране был голод. Сам я хорошо помню наше полуголодное, босоное детство. Все леса и перелески, овраги и холмы вокруг села были изрыты окопами, возле Орликовского леса в 1943 году базировался аэродром подскока, откуда наши лётчики совершали боевые вылеты на Огненную дугу. В Гремячем лесу, в двух километрах от нашего села, земля была буквально «нашпигована» боеприпасами и оружием. Там в июле 1942 года попали в окружение войска 21-й армии Юго-Западного фронта и 40-й армии Брянского фронта. Об этом моё стихотворение

В Гремячем лесу тишина

*Памяти воинов
40 Армии Брянского фронта
и 21 Армии Юго-Западного фронта,
павших в боях под Старым Осколом
в июле 1942 года*

В лесу, что назвали Гремячим,
Сегодня кругом тишина.
В далёком июле горячем
Везде полыхала война.

Средь леса воронки, окопы,
Залитые вешней водой.
Здесь наши пехотные роты
Столкнулись с великой бедой.

В тяжёлые дни окруженья
Попали бойцы под обстрел.
И пали в жестоком сраженье,
И лес от разрывов горел.

За бой не вручили награды.
Теряла Отчизна сынов.
В трагедии не до парадов
И не дают орденов...

...Никто и ничто не забыто.
Мы помним погибших солдат.
За воинов, в роще убитых,
Огнём отомстил Сталинград.

Мне не забыть, что у многих вернувшихся с войны фронтовиков вместо рук были культяпки и «деревяшки» вместо ампутированных ног. По вагонам ходили калеки и просили милостыню. У входа на рынок в Старом Осколе сидели инвалиды без рук и ног с привязанными проволокой кружками для мелочи. Потом они внезапно исчезли. Много позже я узнал, что их отвезли в монастырь на остров Валаам. Об этом я написал такое стихотворение:

Они и хатам были рады,
Калеки огненных дорог.
Имели звания, награды,
А заслужили лишь острог.

Без рук, без ног бойцов отважных
Свезли на остров Валаам.
Далёкий стон Руси сермяжной
Хранит доньине древний храм...

Жители Белгородчины свято чтут память наших воинов, отдавших свои жизни за свободу и независимость нашей Родины. В области ежегодно девятого мая – в День Победы – проводятся торжественные мероприятия у воинских мемориалов с возложением венков, идут колонны Бессмертного полка... Одно из своих стихотворений я так и назвал – «Бессмертный полк».

С тех пор, когда великая держава
Исчезла с карт Земли – с материка,
Сидит в груди печаль занозой ржавой,
И угнетает беспросветная тоска.

И нет теперь ни партий, ни союзов,
Что выступали в роли рулевых.

Вмиг разорвали дружеские узы
И предали всех павших и живых...

Чтоб не смотрел народ на нас с укором,
И марш Победы никогда не смолк,
В весенний день по городам и сёлам
В одном строю идёт Бессмертный полк.

Было время – горела земля

Было время – горела земля,
Города превращались в руины,
И боец в этом море огня
От друзей не скрывал седины.

Не на случай солдат уповал,
Защищая родные святыни.
Он «Катюшу» в бою запевал,
Приглушая горечь Хатыни.

Повелось испокон веков –
Стар и млад защищали границы.
Нынче правнукам фронтовиков
Бой в горах по ночам снится.

Прорастёт опалённая взрывом трава,
Зарубцуют надрезы берёзы.
Только вот о войне всё идёт молва,
И текут материнские слёзы...

Он не вернулся с фронта...

*«Ни петлички, ни лычки
С гимнастёрки моей...»*

Александр Твардовский

В нашей семье после войны хранилось сообщение Орловского облвоенкомата, что сын моей бабушки, Логачёвой Прасковьи Владимировны, – командир взвода, младший лейтенант Логачёв Никита Степанович погиб 3 июля 1942 года. Место захоронения указано не было. Бабушка была глубоко верующей и отказалась от пенсии за погибшего сына в пользу внука, оставшегося без отца в младенчестве...

Став офицером, я решил разыскать могилу моего родного дяди Логачёва Никиты Степановича. После многочисленных запросов в различные инстанции (Задонский РВК, Ленинградский и Орловский областные военные комиссариаты и Старорусский ГВК), наконец, в сентябре 1980 года мною был получен ответ из Главного Управления Кадров Министерства Обороны СССР о месте гибели и захоронения младшего лейтенанта Логачёва Никиты Степановича, командира взвода 929 стрелкового полка 254 стрелковой дивизии – в 2 км юго-восточнее деревни Сычёво Старорусского района Ленинградской области, впоследствии Новгородской области; найдена карта боевых действий 929 стрелкового полка, в составе этого полка воевал мой дядя Логачёв Н.С.

Старорусский горвоенком тогда же сообщил, что все останки погибших воинов из одиночных и братских могил из района ныне не существующей деревни Сычёво были перезахоронены на воинское захоронение деревни Давыдово, где на гранитной плите увековечно имя погибшего воина – младшего лейтенанта Логачёва Никиты Степановича.

...Воздвигнут павшим скорбный обелиск,
И тысячи имён прочтёте вы на плитах.
И отблеск Вечного огня, и ясный лунный диск
В ночи высвечивают грани монолита.

Вечная память воинам, павшим в боях с немецко-фашистскими захватчиками за свободу и независимость нашей Родины!

Военная подготовка при МГУ. Военные сборы

Как все юноши призывного возраста, будучи школьником, я в 1964 году прошёл в Чернянском районном военном комиссариате военно-врачебную комиссию и в числе других призывников был отобран кандидатом для поступления в военное радиотехническое училище. Окончив Орликовскую среднюю школу в 1965 году с золотой медалью, я получил разрешение районного военного комиссара на выдачу мне паспорта и выехал 10 июля в Москву для сдачи вступительных экзаменов в Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Успешно сдав вступительные экзамены, я был зачислен приказом ректора МГУ на первый курс юридического факультета университета, и с 1 сентября 1965 года начал одновременно с изучением юридических дисциплин проходить военную подготовку на военной кафедре гуманитарных факультетов МГУ по учебной программе «Командир мотострелкового взвода». Для этого на юридическом факультете выделялся еженедельно полный учебный день.

Учебная программа на военной кафедре ничем не отличалась от подготовки курсантов военных училищ, но с той лишь разницей, что проживали мы не в армейской казарме, а в студенческом общежитии МГУ и занятия продолжались два с половиной года.

Мы изучали следующие дисциплины: тактическая, огневая, инженерная, техническая подготовка, ОМП, связь, военная топография, военно-медицинская подготовка, общевойсковые уставы, Боевой устав Сухопутных войск (БУСВ), строевая подготовка, основы общевойскового боя, организация, вооружение мотострелкового и танкового батальонов и артиллерийского дивизиона, структура Вооружённых Сил СССР, виды и рода войск. Теоретические познания мы получали на военной кафедре в специальных классах. На занятия по тактической подготовке выезжали с преподавателями военной кафедры на военных грузовиках в район Лыткарино, при этом переодевались в специальную форму: чёрные комбинезоны, сапоги, солдатские шинели, пилотки или шапки. Учебные автоматы, подсумки и противогазы получали перед выездом на занятия.

На военной кафедре прошли обучение по подготовке водителей автомобиля и получили водительские удостоверения.

Студенты, зачисленные в МГУ после прохождения срочной военной службы и получившие при увольнении в запас офицерские звания младших лейтенантов, а также однокурсники, признанные военно-врачебной комиссией негодными к военной службе, от занятий на военной кафедре освобождались.

С 5 июня по 1 августа 1968 года все студенты юрфака МГУ – курсанты военной кафедры – прошли военные сборы при войсковой части 17376 в летнем палаточном лагере под Калининским (ныне Тверь). Там мы, рядовые,

не служившие в армии, 28 июня 1968 года приняли военную присягу у Боевого Знамени полка с автоматами в руках. Кроме офицеров воинской части, с нами проводили занятия преподаватели военной кафедры – полковник Щербаков и подполковник Дубровин.

Жили мы в армейских палатках на берегу Волги, страдали от укусов комаров (подушки у нас были постоянно испачканы кровью от раздавленных во время сна комаров); к реке мы добирались по тропинке через заросли камыша, но это не мешало нам нести караульную службу, заступать в суточный наряд и рабочими в столовую, на охрану водонапорной башни, бегать 10-ти километровые марш-броски с полной выкладкой (автомат, штык-нож, подсумок, противогаз, вещмешок, малая пехотная лопата (МПЛ-50) в чехле, солдатская скатка), оборудовать полевые укрепления – рыть окопы и траншеи. Наконец, после тактических занятий (оборона и наступление при поддержке огня танков, вождение бронетранспортёров БТР-152 с 7,62 мм пулемётом СГМБ и БТР-60ПБ с крупнокалиберным 14,5 мм пулемётом КПВТ и 7,62 мм пулемётом ПКТ), надо было выходить на стрельбище и метко стрелять.

Занятия по огневой подготовке с выполнением учебных стрельб проводились согласно Курса стрельб из стрелкового оружия Вооружённых Сил СССР. Сразу отмечу, что метание боевых гранат и стрельбу из ручного противотанкового гранатомёта мы тогда не выполняли, и эти упражнения я выполнил на офицерских сборах после призыва в Вооружённые Силы СССР в Московском высшем общевойсковом командном училище имени Верховного Совета РСФСР в сентябре 1970 года, причём стрельбы выполнялись днём и ночью на оборудованном войсковом стрельбище.

Все упражнения учебных стрельб из автомата и ручного пулемёта Калашникова в летнем лагере я выполнил с оценкой «отлично». Единственная заминка произошла при выполнении мною упражнения стрельбы из автомата через бойницу бронетранспортёра по мишени «базука» (американский ручной противотанковый гранатомёт) в окопе: мишень была так окрашена под фон окружающей местности, что её видимость не обеспечивала ведение по ней прицельного огня, о чём я сразу доложил руководителю стрельбы на участке, старшему лейтенанту Румянцеву. Он дал команду прекратить стрельбу до замены мишени. После замены мишени цель мною была поражена первой же автоматной очередью.

Наш комсорг Илья Елсаков выпустил тогда боевой листок, в котором были отмечены за отличную стрельбу рядовые Виктор Костюков и Михаил Анисимов. Мы не служили срочную военную службу, но отличились в стрельбе боевыми патронами из автомата и ручного пулемёта Калашникова.

За время прохождения военных сборов никто из нас не заболел и никаких травм ни у кого не было.

После сдачи экзаменов по всем вышеуказанным дисциплинам и окончания военных сборов, студенты переоделись в гражданскую одежду и 1 августа 1968 года убыли из летнего палаточного лагеря на военных автомобилях на железнодорожную станцию Калинин, а оттуда поездом в Москву. Так закончились наши военные сборы летом 1968 года.

Приказом Министра Обороны СССР №0747 от 16 мая 1970 года мне было присвоено воинское звание лейтенант, а 27 июня 1970 года вручён диплом об окончании МГУ по специальности «Правоведение», присвоена квалификация юриста, и 3 июля 1970 года я был призван в Вооружённые Силы СССР.

Школьные годы. Поездка в Белгород

Моя родная Орликовская средняя школа, которую я окончил в 1965 году, размещалась тогда в двухэтажном кирпичном здании, построенном до революции земством на въезде в слободу Орлик тогдашнего Старооскольского уезда, а в центре села были церковь и магазины. Там же, на площади, напротив церкви, располагались торговые ряды. Хотя от школы до магазинов было сравнительно недалеко, но даже бегом на большой перемене мы едва успевали вернуться на урок, когда бегали за покупками (обычно за конфетами) в продовольственный магазин, поскольку буфета в школе до 9 класса не было, а когда его открыли, то мы на перемене покупали за пять копеек кусок чёрного хлеба с намазанным сверху повидлом, вот и весь обед. Ни о какой столовой в послевоенные годы даже мечтать было нельзя, и мы это понимали. В то время никто школьников из отдалённых сёл на занятия не возил, и мы ходили в школу пешком в дождь и в метель по просёлочным дорогам, утопая по колено в снегу, а потому в школу в непогоду ходили в сапогах или в валенках.

Зимой 1963 года в Белгороде проводился слёт комсомольских активистов школ Белгородской области – секретарей комсомольских организаций и их заместителей. Меня вызвал в канцелярию директор школы Василий Дмитриевич Шаталов, ознакомил с распоряжением районного отдела народного образования и дал мне задание готовиться к поездке на слёт. Из зимней верхней одежды у меня была только телогрейка, о чём я сразу сказал директору школы, что ехать на слёт в телогрейке стыдно.

– Не переживай, сейчас я покажу тебе своё пальто. Оно тебе будет впору. Видишь, я ненамного выше тебя.

Василий Дмитриевич действительно был приземистый мужчина. Мы пошли к нему домой, он жил недалеко от школы, там я примерил пальто, и оно мне оказалось по росту.

На следующий день я уехал в Белгород. Нас, комсомольцев, разбили на группы и расселили на время слёта в частных домах. Нашу группу – два мальчика и две девочки, разместили в доме у одинокой женщины-старушки. Её домашний быт ничем не отличался от моей жизни в селе: топила печку дровами и углём, чтобы нам не было холодно, а питались мы в столовой, приходили только переночевать. Все удобства были во дворе.

Единственное отличие – в доме была электропроводка и горели электрические лампочки, тогда как у нас в деревне электрического света не было вплоть до окончания школы, и я учил уроки при свете керосиновой лампы или свечи, когда кончался керосин. Керосин привозили в наше село из сельпо и распределяли пайщикам – жителям села – по ведру, а иногда и того меньше – по пять литров. И когда мне очень хотелось дочитать понравившуюся книгу, а родители уже спали, я включал под одеялом карманный электрический фонарик и читал, пока не садилась батарейка. С батарейками тоже были проблемы, но нас, пацанов, выручал старьёвщик; он за тряпки привозил в село нужные в хозяйстве предметы домашнего обихода: иголки, булавки, глиняные свистульки, роговые гребешки, батарейки к карманным фонарикам и всякую мелочёвку.

Коротая в доме белгородской старушки долгие зимние вечера за беседой, мы рассказывали ей о нашей деревенской жизни и учёбе, на что она, умудрённая жизненным опытом и знавшая, откуда мы и зачем при-

ехали в город Белгород, многократно повторяла: «Старайтесь, учитесь, детки, это Вам в жизни пригодится. Нам в голод и военное лихолетье было не до учёбы...».

В памяти от поездки в Белгород остались экскурсии по городу и в драмтеатр, выступления на слёте комсомольских вожаков. То было время хрущёвских замыслов «догнать и перегнать», и к этому нас призывал ленинский комсомол.

Самое трудное испытание в той поездке было впереди: поднялась пурга, и автобусы на Чернянку в день нашего отъезда из Белгорода отменили. Я не растерялся – мы с девочкой из Чернянской школы взяли билеты на автобус до Старого Оскола, где у меня были родственники. По заметённой вьюгой дороге автобус с частыми остановками, преодолевая снежные заносы, вечером доставил нас на автостанцию Старого Оскола. Мы переночевали в доме у моих родственников и утром рабочим поездом отправились в Чернянку. Я сошёл на железнодорожной станции Голофеевка и оттуда пешком двенадцать километров в метель добирался до моего родного села. Другой возможности добраться домой тогда у меня не было.

После поездки в Белгород, придя на урок, я рассказал одноклассникам о поездке в Белгород и о том, как пришлось по сугробам добираться из Голофеевки домой. Выслушав меня, директор школы Василий Дмитриевич сказал всем нам короткое напутствие:

– Запомните, ребята, впереди у вас будут трудности и испытания. Никогда не бойтесь их и не успокаивайтесь на достигнутом. Дорогу осилит идущий...

Впоследствии, проходя действительную военную службу на Крайнем Севере, на Колыме и Чукотке, где морозы и снежные бури посильнее наших, я с улыбкой вспоминал этот эпизод из школьных лет.

Лыжные гонки

Родители купили мне лыжи, когда я учился в начальной школе, поскольку с пятого класса нам надо было ходить в Орликовскую среднюю школу, расположенную в пяти километрах от родного села, и добираться в школу зимой по сугробам на лыжах было намного легче. В старших классах я сам покупал в Старом Осколе настоящие беговые лыжи и кроме обычных тренировок на уроках физкультуры, при поездках зимой в Старый Оскол, всегда бегал на лыжах 12 километров до станции Голофеевка; там оставлял лыжи у знакомых и садился на пригородный поезд. Будучи школьником, на районных соревнованиях по лыжным гонкам получил взрослый спортивный разряд.

Поступив в 1965 году в МГУ, я с первого курса участвовал в соревнованиях по лыжным гонкам, хотя сразу записался в секцию бокса.

Незадолго до зимней сессии, в том же 1965 году, в МГУ проводились соревнования по лыжным гонкам в эстафете на дистанции 4х10 километров, и меня включили в состав команды нашего юридического факультета. Накануне соревнований мы с однокурсником Юрием Гуциным весь вечер готовили лыжи к гонкам: прогревали их на газовой плите, чтобы удалить старую лыжную мазь, и по совету тренера смазали лыжи другой мазью для морозной погоды. Тогда лыжная мазь была у нас только двух видов. Но утром погода резко изменилась: подул сильный ветер и повалил мокрый снег.

В составе команды мы на автобусе прибыли к месту соревнований в район Внуково и, не успев поменять лыжную мазь, вышли на старт. Мне было поручено начинать гонку первым в нашей команде. Вырвавшись

вперёд после старта из общей группы лыжников по проложенной лыжне, я почувствовал, что мои лыжи совершенно не скользят по рыхлому, мокрому снегу, а сильный встречный ветер буквально выбивал меня из сил. Никогда раньше ничего подобного при беге на лыжах я не испытывал. Добежав до лесного массива и немного отдышавшись, я перешёл на размеренный ход и стал обдумывать свои действия на трассе, с которой не был знаком. О том, что впереди – затяжной подъём, я не знал, но старался не дать обогнать себя идущим сзади лыжникам. Как узнал после гонки, некоторые лыжники из команд других факультетов успели поменять лыжную мазь, и это сказалось на результатах гонки. Особенно тяжело преодолел подъём. Хотелось просто снять лыжи и бежать по снегу, но это было запрещено правилами соревнований. Стиснув зубы, я на последнем дыхании закончил гонку, передал эстафету своему товарищу Гущину Юрию и, обессиленный, упал на снег.

У Юрия гонка не сложилась по той же причине – лыжи плохо скользили. Не улучшили показатели в гонке и мои товарищи по команде – Виктор Костюков и Юрий Горохов.

После соревнований – на обратном пути в общежитие – я в автобусе попросил тренера не включать меня в состав команды по лыжным гонкам, сославшись на то, что это нарушает мой тренировочный процесс в секции бокса, и больше в командных лыжных гонках до окончания учёбы в МГУ не участвовал. Если кто-то считает лыжный спорт лёгкой прогулкой, то это ошибочное мнение: во время гонок лыжники испытывают колоссальное напряжение всех своих физических и моральных сил. Поэтому лёгких побед в лыжном спорте не бывает. Как и в любом другом виде спорта.

Третий (трудовой) семестр. Таёжная глухомань

Вспомнилось прошлое – третий (трудовой) семестр 1969 года. После завершения весенней экзаменационной сессии мы, студенты четвёртого курса юридического факультета МГУ, перешли на пятый, последний курс обучения, и надо было думать о заработке в предстоящие каникулы. Мой однокурсник Валерий Зайнулин, с которым я познакомился ещё будучи абитуриентом в июле 1965 года (мы жили с ним в одной комнате общежития МГУ на подготовительных курсах), решил создать студенческий строительный отряд (ССО) для поездки в Красноярский край, в посёлок Бородино. Я без колебаний записался в отряд.

В отряде численностью 50 человек были, в основном, ребята нашего курса, но в отряд попали и несколько человек с третьего курса юридического факультета. Врачом с нами поехала студентка Первого Московского медицинского института, а прорабом – студент Московского инженерно-строительного института. Выполнять обязанности повара согласилась моя однокурсница Валуева Инесса. Командиром отряда был утверждён Зайнулин Валерий, он же организовал получение формы бойца ССО. Кроме того, нам выдали телогрейки и сапоги. Климат в Восточной Сибири резко континентальный, и в августе там уже холодно.

Перед отъездом нам сделали прививки от столбняка, мы сдали свои вещи в камеру хранения, находившуюся в помещении цокольного этажа Главного здания МГУ, передали ключи от комнат заведующей общежитием и в путь-дорогу. Решили так: до места назначения добираться поездом, а обратно лететь на самолёте.

Поезд Москва – Красноярск отправлялся с Казанского вокзала, время в пути – около трёх суток. В пути следования проводник вагона предупредил нас о прохождении поезда на перегоне вблизи станции Уржумка мимо гранитного обелиска, установленного на Транссибе в 1892 году на границе Европы и Азии, мы видели этот обелиск из окон вагона. Как позже узнал, автор обелиска – инженер, писатель и путешественник Н.Г. Гарин-Михайловский, написавший повесть «Детство Тёмы».

По прибытии в Красноярск до посёлка Бородино добирались на автобусе ЛАЗ-695. Посёлок этот шахтёрский, основное производство – Бородинский угольный разрез. Нас местная строительная организация разместила в одном из незаселённых пятиэтажных домов на окраине посёлка. А в двух других пятиэтажках напротив мы должны были выполнить столярные работы: настелить полы, предварительно утеплив плиты на первых этажах стекловатой и обработав доски специальным раствором, вставить в домах оконные рамы, навесить двери и т.д. Но это только часть работ. Ещё надо было залить битумом крышу одного из цехов ремонтно-механического завода. И, наконец, группа бойцов отряда сразу отправилась на строительство взлётно-посадочной полосы в город Заозёрный, расположенный в 18 км от пос. Бородино. Там был наш основной заработок, поскольку заливка бетоном полосы аэродрома – дело трудоёмкое, и эта работа хорошо оплачивалась.

Работать предстояло по 12 часов в сутки без выходных. Сейчас это кажется трудновыполнимой задачей, а тогда считали в порядке вещей: коль ехать на заработки за тысячи вёрст, то и заработать надо приличные деньги.

Это была моя вторая поездка «на целину» в составе студенческого строительного отряда. Вырос я в деревне,

с детства привык к тяжёлому сельскому труду и переносил физические нагрузки довольно легко. Ребята постарше, конечно, уставали больше, но виду не подавали.

Во время работы с горячим битумом третьекурсник Валерий по прозвищу Борода нечаянно опрокинул на ногу ведро с расплавленным битумом, его на машине скорой медицинской помощи отвезли в больницу, где он две недели залечивал ожоги. Других случаев производственных травм, к счастью, тогда не было.

За два месяца работы в студенческом отряде нам дали только два выходных дня. Первый мы посвятили поездке в таёжную глухомань – удивительный уголок Восточных Саян в десятках километров от города Саянский, где мы наслаждались первозданной красотой сибирской тайги, вдыхали запахи хвойных деревьев: ели, пихты и кедра – сибирской сосны, собирали малину и кедровые шишки, видели красивых зверьков – бурундуков.

Вторая поездка была в закрытый город Красноярск-45, там мы осмотрели великолепную набережную, ознакомились с другими достопримечательностями города. В магазине нам предложили купить дефицитный в те времена транзисторный радиоприёмник VEF-12 стоимостью 90 рублей, я приобрёл тогда этот приёмник, которым пользовался много лет.

Из той поездки в Красноярский край ещё запомнился вечерний концерт в Доме культуры «Угольщик» посёлка Бородино цыганского ансамбля песни и пляски. В кино мы не ходили, но по радиоприёмнику с 16 июля 1969 года слушали новости о полёте американских астронавтов на космическом корабле «Аполлон-11» к Луне и о высадке на Луну 20 июля... Споры о том, была ли в действительности высадка американских астронавтов на поверхность Луны, продолжают до сих пор...

Последние августовские дни в связи с резким похолоданием мы работали в телогрейках, ночи стали холодными. Накануне отъезда получили на руки за выполненные работы по 800 рублей, поблагодарили гостеприимных шахтёров и ночью выехали на автобусе в Красноярск. В аэропорту взяли билеты на самолёт ИЛ-18 до Москвы с посадками в Томске и в Омске и в тот же день приземлились в аэропорту Внуково.

Выйдя из здания аэропорта, я взял такси и быстро доехал до Главного здания МГУ на Ленинских горах. Поднявшись на четвёртый этаж зоны «Б» нашего общежития, я получил ключи от комнаты у дежурной по этажу и до вечера отсыпался после дороги. На ужине в столовой никого из бойцов нашего отряда не встретил, видимо, они ещё отдыхали после перелёта.

Мне отдыхать было нельзя, я работал штатным сотрудником – ночным сторожем в отделе охраны Ленинского района города Москвы. Два месяца за меня дежурил по взаимной договорённости с бригадиром сторожей её супруг, поэтому на следующий день после возвращения в Москву я сразу включился в график дежурств, ещё до начала занятий 1 сентября 1969 года. Так закончился тогда мой третий (трудо­вой) семестр. У меня сохранилось стихотворение о той поездке в Красноярский край:

Рай земной по ночам мне не снился,
Лишь маячили скалы во мгле,
И когда я в тайге приземлился,
Стало легче мне жить на земле.

Впереди простирались Саяны,
Непролазные чащи, хребты.

Аромат удивительно пряный
Исходил от земной красоты.

Стреловидные кедры и ели
Заслонили шатром небосвод.
Журавли в облаках пролетели
В край озёр, родников и болот...

Бурундук, горностая почуяв,
Прошмыгнул за замшелый валун.
Мы в тайге у костра заночуем
Под звучанье серебряных струн!

На целину

В конце июня 1967 года мой однокурсник Владимир Михайлович Шерстюк, впоследствии профессор юридического факультета МГУ, организовал студенческий строительный отряд (ССО) из 50-ти человек, в состав которого вошли студенты 1 и 2 курсов юрфака МГУ, с включением в него на две недели в знак интернациональной дружбы пяти студентов МГУ – поляков с других факультетов. С этими студентами в качестве переводчика постоянно находился мой однокурсник Валерий Васильев, хорошо знавший польский язык. Кроме нас, в отряд были включены: в качестве врача – студент Первого Московского медицинского института, в качестве прораба – студент Московского инженерно-строительного института и ещё два подростка из категории трудновоспитуемых, Лев Борисович и Николай Иванович, как мы их называли для поднятия авторитета. Естественно, у нас были повара, наши однокурсницы Валужева Инесса и Проскуракова Ольга. Командиром отряда был утверждён Владимир Шерстюк, комиссаром – мо-

сквич Евгений Кукушкин, мой товарищ по группе. Работать предстояло в Казахстане.

Всем нам выдали форму – куртки и брюки цвета хаки – и вручили каждому бойцу отряда комсомольскую путёвку и значок установленного образца. Незаменимый в таких поездках большой туристский рюкзак мы покупали сами. Я выезжал «на целину» в составе отряда впервые, а некоторые однокурсники уже были «целинниками». Они и предложили перед дальней дорогой выпить по кружке пива, поскольку в отряде устанавливался «сухой закон», и контроль за его строгим соблюдением возлагался на комиссара отряда Евгения Кукушкина, студента очень делового и принципиального. Рядом с метро «Университет» стояла пивная бочка, где мы и употребили «по кружечке пивка». Сразу вспомнилась известная в студенческой среде песня Юрия Кукина «Ну что, мой друг, свистишь? Мешает жить Париж?», и сложились такие строки:

Забросил книжные труды –
Во сне их вижу.
Мы держим курс на Шортанды –
Не до Парижа.

На Казанский вокзал столицы мы прибыли вовремя, заняли места в плацкартном вагоне и в путь! До конечной станции ехали пять суток, изнывая от жажды. Привыкшие к московской жизни, где всегда можно в автомате напиться холодной газированной воды, мы хлебали в вагоне из бачка кипячёную воду и впервые за время следования поезда в пути, за сутки до прибытия к месту назначения, купили на какой-то станции по бутылке кумыса. Мне он не понравился, и больше я кумыс никогда не пил. А вот красивейшие горы курорта Боровое, мимо которых мы ехали по ровной, как стол, равнине, остались в памяти надолго.

Прибыв на станцию Алексеевка, мы сошли с поезда и до совхоза «Трудовой» в нескольких километрах от станции Шортанды добирались на автобусах. В совхозе разместились в одноэтажном здании вблизи озера Акколь (в переводе – Белое озеро) с очень холодной водой даже в 40-градусную жару. Озеро Акколь питается подземными водами, вода в нём, как из родника.

Вечером выйдешь за околицу – светло, как днём, в степи ни единого деревца, ни кустика, местность ровная, стук колёс о рельсы проходящего поезда слышится на десятки километров.

Местные жители – казахи, немцы Поволжья и другие – встретили нас по-дружески, за время пребывания в совхозе «Трудовой» никаких проблем в общении с ними не возникало.

Недалеко от совхоза «Трудовой» располагался карьер бутового камня, из которого мы за два месяца, работая по 12 часов ежедневно, построили крытый зерновой ток и ремонтную мастерскую.

Сказать, что от усталости валились с ног, не могу: мы были молоды, и организм выдерживал чрезмерные физические нагрузки, хотя тогда среди нас возникло крылатое выражение – «на порошки заработаем».

В Алексеевке, напротив железнодорожного вокзала, наши ребята установили стелу в память о погибших воинах Красной Армии. Во время Великой Отечественной войны с 1941 года на базе Алексеевской больницы работал военный госпиталь для раненых бойцов.

В день советской молодёжи в конце июня мы организовали и провели в Алексеевке товарищескую встречу по футболу с одной из местных команд. Я играл на позиции правого защитника и во время выполнения подкатов при отборах у соперников мяча до крови повредил кожу коленей при падениях на твёрдый, как ас-

фальт, утрамбованный грунт футбольного поля стадиона. Травы на поле стадиона не было, и в дальнейшем я таких футбольных полей нигде не видел.

После завершения запланированных строительных работ руководство совхоза «Трудовой» организовало для нас обед: местные повара приготовили нам блюдо казахской кухни – бешбармак из баранины. В бухгалтерии совхоза каждому бойцу отряда начислили по 1000 рублей. Деньги по тому времени для студентов немалые.

Заработанные «на целине» деньги я потратил на приобретение книг, одежды и обуви, а вот сочинённые тогда стихотворения сохранились.

На целину

Зарисовка о работе в студенческом строительном отряде МГУ в районе ст. Шортанды, Казахстан, совхоз «Трудовой», 1967 г.

*Посвящается
Валериану Проскурякову*

Учёбу на время забросил,
Пробел не поставят в вину,
На плечи штормовку набросил
И в путь – поднимать целину!

«Но как в захолустье без зрелищ?» –
У шефа однажды спросил.
«Ты мягко, мальчишечка, стелешь, –
Начальник в ответ пробасил. –

Наш главный здесь козырь – булыжник,
И спину достанется гнуть.
А если заядлый ты книжник,
Старайся в жару не уснуть.

О жизни забудь своей личной,
За скромный наш быт не взыщи.
Захочешь под вечер «Столичной» –
Кумысом гортань полощи...».

Нас быстро разбили повзводно,
Мы крытый там строили ток.
Испить бы водицы холодной,
Во фляжке – почти кипяток!

Но как мы ударно трудились!
Глотнули пылищи, песку...
И цели своей мы добились –
Сорвали деньжат «по куску».

Работа тяжёлая в гору
Не бросится, как Алитет.
Нас в ту незабвенную пору
На стройке сплотил факультет!

Мне снится источник термальный,
«Студенческий меридиан»...
И друг мой – поэт гениальный
По имени Валериан!

Мы держим курс на Шортанды...

**Зарисовка о работе в студенческом строительном
отряде, 1967 г., Целиноградская область,
совхоз «Трудовой»**

Забросил книжные труды,
Во сне их вижу.
Мы держим курс на Шортанды –
Не до Парижа.

«Зачем торчать в расцвете сил
Без синеокой?».

В ответ начальник пробасил:
«Блажь выйдет боком!».

«Таскать булыжники учись
На солнцепёке,
От всех невзгод трудом лечись
Здесь, на Востоке.

Устав, как в армии, читай
Без передышки,
Совет друзей на ус мотай,
Иначе – крышка!».

Глотнув там пыли и песку,
Свой куш сорвали;
И отхватили «по куску»,
Пока давали.

Работа в лес не убежит,
Как бурый мишка.
А у меня в шкафу лежит
С нулём сберкнижка...

Следующая поездка в составе студенческого строительного отряда МГУ в Красноярский край произошла только в 1969 году, поскольку в 1968 году я летом был призван на два месяца на военные сборы. Но это уже совсем другая история.

Стереоскопическое кино

В наше время Интернета кино можно смотреть дома, сидя на диване: нашёл в поисковике интересный фильм и смотри. А вот нас, студентов МГУ, в 60-е годы прошлого века невозможно было отговорить от похода на премьеру фильма! Все буквально рвались в кинотеатры, благо, афиши с перечнем кинотеатров и фильмов были на каждом углу.

Всё невозможно отразить в коротких воспоминаниях, ограничусь рассказом о просмотрах фильмов в «Круговой кинопанораме» на ВДНХ и стереофильма «Таинственный монах».

В «Круговой кинопанораме» в 1966 году показывали цветной фильм «Возьмите нас с собой, туристы», который мы смотрели стоя. А на премьере стереоскопического цветного фильма 1967 года «Таинственный монах» на входе в кинозал выдавали специальные очки, которые надо было сдавать дежурным администраторам на выходе из зала после просмотра фильма.

Конечно, эффект присутствия с происходящим на экране был захватывающим, но желания ещё раз посмотреть эти фильмы у меня не возникло. А вот фильмы «Освобождение. Огненная дуга» и «Кавказская пленница, или Новые приключения Шурика» мы смотрели много раз...

Огонь не открывать...

Приказ командира (начальника) – закон для подчинённых (из Дисциплинарного устава Вооружённых сил СССР, статья 6).

Военную службу в Вооружённых Силах СССР в воинском звании лейтенант я начал летом 1970 года в должности командира отдельного местного стрелкового взвода в одной из войсковых частей Главного ракетно-артиллерийского управления Министерства обороны СССР. Основной задачей взвода была охрана и оборона военного объекта, поэтому огневой подготовке личного состава, наряду с другими дисциплинами, с первых дней моей службы в части уделялось должное внимание. Но до осени учебные стрельбы в части не проводились.

Однажды в один из октябрьских дней на служебном совещании командир части отдал приказ: выполнить упражнение учебных стрельб из автомата Калашникова (АК) – стрельбу с места по появляющимся целям на необорудованном стрельбище, в глубокой балке вдали от населённых пунктов. Пройдя военную подготовку в Московском высшем общевойсковом командном училище имени Верховного Совета РСФСР, где мы, командиры мотострелковых взводов, на оборудованном войсковом стрельбище выполняли упражнения учебных стрельб из всех видов стрелкового оружия (пистолета, автомата и пулемёта) днём и ночью, я после совещания заинтересовался у майора, командира батареи, выполнялись ли ранее упражнения учебных стрельб из автомата в указанной балке, на что получил утвердительный ответ.

Штатная численность моего взвода была 50 бойцов. Несение караульной службы по охране объекта было непрерывным, поэтому взвод был разделён на две равные

группы: одна группа в течение суток несла караульную службу, а вторая группа в это время отдыхала – и так через сутки производилась смена караулов. Естественно, на выполнение учебной стрельбы могли поехать только свободные после смены караула бойцы моего взвода.

Майор, командир батареи, он же – руководитель стрельбы, согласно Курса стрельб из стрелкового оружия, назначил начальника пункта боепитания – старшину батареи, дежурным врачом с нами поехал начальник санчасти, раздатчиком боеприпасов был командир отделения – сержант.

На военном грузовике прибыли на место проведения стрельбы к глубокой балке, выставили с двух сторон на безопасном удалении охранение. На дне балки уже был оборудован углублённый в землю блиндаж с накатом из брёвен для защиты от пуль, который находился на расстоянии 200 метров от рубежа открытия огня – огневого рубежа. Старшина батареи привёз на стрельбище две мишени – ростовые фигуры, вырезанные из фанеры. Обе мишени были прибиты гвоздями к шестам. С исходного рубежа провели в блиндаж полевой телефон, проверили связь, и начался инструктаж личного состава взвода.

Руководитель стрельбы объяснил, что каждому бойцу будет выдано по 15 патронов к автомату Калашникова, стрельба должна вестись очередями по 2-3 патрона, одиночная стрельба не засчитывалась. Порядок заряжания и разряжания оружия, меры безопасности при обращении с оружием солдаты знали назубок.

Старшина батареи передал мишени двум бойцам, взял с собой телефониста и повёл их в блиндаж инструктировать на месте, что и как им делать. Солдаты должны были просунуть шесты мишеней в отверстия в накате блиндажа, а телефонист доложить по телефону руководителю стрельбы о готовности. При попадании

в мишень пуль боец, удерживая руками шест мишени, должен почувствовать сильный удар, после чего прокрутить шест так, чтобы мишень была повернута на 90 градусов, то есть плоскость мишени к направлению стрельбы с места открытия огня должна из перпендикулярной стать параллельной. На оборудованном стрельбище мишень после попадания в неё пули падает.

Первая пара стреляющих, получив патроны, вышла на огневой рубеж и по команде «К бою!», «Огонь!» стала стрелять. Оба бойца выстрелили все выданные им патроны, но мишени не повернулись. В таком случае показалось, что оба солдата промахнулись. Проверив, что автоматы разряжены и оружие поставлено на предохранители, а магазины положены в под сумки, руководитель стрельбы что-то спросил по телефону у находившихся в блиндаже бойцов и отправил меня с автоматом на огневой рубеж. После выстрелов мишени остались в том же положении, хотя стрелял я из автомата всегда без промаха.

Тогда руководитель стрельбы приказал мне пойти в блиндаж и разобраться, почему нет попаданий. Мишени до стрельбы были без повреждений, но, подойдя к блиндажу, я увидел на них пулевые отверстия. Зайдя в блиндаж, я по телефону сообщил руководителю стрельбы, что мишени имеют повреждения от пуль и мне надо самому выяснить причину, почему солдаты не реагировали на попадания. И попросил открыть стрельбу по правой мишени, взяв в руку шест этой мишени. Прозвучала автоматная очередь, наверху послышался характерный свист пуль, и рука почувствовала удары по шесту. Явное попадание в мишень. Повернул мишень на 90 градусов.

По телефону доложил о попаданиях руководителю стрельбы и попросил его произвести выстрелы по левой мишени. Снова прозвучали выстрелы, свист пуль и

удары по шести. Бойцы поняли свои ошибки. Они думали, что от попаданий пуль мишени оторвутся и шести упадут в блиндаж. Доложив по телефону руководителю стрельбы, что солдаты готовы к выполнению своих обязанностей, я снова попросил открыть огонь. На этот раз солдаты чётко повернули мишени при попадании пуль.

После этого руководитель стрельбы отдал мне команду по телефону о возвращении из блиндажа на исходный рубеж. Поскольку я находился в закрытом блиндаже, то не мог наблюдать, что происходит в это время на огневом рубеже, а потому ещё раз уточнил по телефону, можно ли выходить из блиндажа и, услышав слова руководителя стрельбы, что «можно выходить», спокойно вышел из блиндажа через единственный боковой выход-вход и направился к руководителю стрельбы на исходный рубеж. Подойдя ближе, я увидел старшину батареи с бледным лицом, который направлялся мне навстречу. Поравнявшись со мной, он взволнованно сказал:

– В рубашке родились, товарищ лейтенант.

На огневом рубеже находился солдат моего взвода, в руках у него был автомат с пристёгнутым магазином. Оказалось, что руководитель стрельбы, разрешив мне выходить из блиндажа, забыл о своей команде, отданной мне на выход из блиндажа, и приказал выйти на огневой рубеж очередному бойцу, к счастью, таджику по национальности, которого родители с детства обучили владеть оружием и в армии он до автоматизма научился обращаться с автоматом. Находясь на огневом рубеже, он за несколько секунд до начала стрельбы увидел меня, когда я вылезал из блиндажа, и сразу поставил автомат на предохранитель...

В дальнейшем стрельба из автомата по мишеням прошла без замечаний.

Вернувшись в расположение батареи, я обратился с рапортом по команде о проведении упражнений учеб-

ных стрельб из автомата только на войсковом стрельбище и в упомянутой балке больше стрельбы не проводились. Из пистолета ПМ офицеры и прапорщики части стреляли в тире, оборудованном на территории воинской части.

В военном деле мелочей не бывает. Такие эпизоды не забываются...

Перемещение по службе

Май 1971 года выдался по-настоящему тёплым, весна вступила в свои права. Хотелось погулять по весеннему лесу, который плотной стеной подступал к нашей воинской части. Солдаты моего взвода несли караульную службу, остальные занимались по распорядку дня. Я находился в канцелярии батареи, когда поступил звонок от дежурного по части: немедленно прибыть в штаб. Не понимая причины столь срочного вызова, по пути в штаб мысленно прокручивал в памяти события минувшей ночи. Нет, в карауле всё прошло без происшествий, по поведению солдат взвода в казарме тоже никаких замечаний от командира батареи не было. Дежурный по части майор Гришачёв, с которым у меня сложились дружеские отношения, указал на дверь кабинета на первом этаже штаба и тихо произнёс:

– Военный прокурор ждёт.

На душе сразу отлегло: в соседнем подразделении между солдатами строительной роты накануне произошёл конфликт в столовой, который явно тянул на неуставные взаимоотношения – старослужащий солдат умышленно опрокинул на голову молодого солдата бачок с кашей. Я зашёл в кабинет и представился седому подполковнику с эмблемами военного юриста,

который, сидя за столом, рассматривал какие-то бумаги и курил. Подполковник назвал военным прокурором гарнизона и, не давая мне опомниться, спросил:

– Это правда, что Вы имеете высшее юридическое образование?

– Так точно, окончил юридический факультет МГУ, – по-военному отрапортовал я.

– У меня следователей не хватает, а Вы сидите здесь с взводом солдат, почему?

– На военной кафедре готовили командиров мотострелковых взводов, – коротко отчеканил я.

– Хотите служить в военной прокуратуре?

Здесь позволю небольшое отступление от излагаемых событий. Недели за две до вызова к военному прокурору другой подполковник, но из особого отдела гарнизона, проводил со мной ознакомительную беседу на предмет откомандирования меня для прохождения дальнейшей службы в КГБ СССР и направления меня на учёбу в соответствующую школу, но я наотрез отказался, чем вызвал недовольство у нашего капитана из особого отдела, который присутствовал при проведении беседы в кабинете своего начальника. А потому я не раздумывая согласился служить в военной прокуратуре и тут же подал рапорт по команде. Военный прокурор уехал, пообещав решить кадровый вопрос в течение недели.

В Главной военной прокуратуре, к моему искреннему удивлению, слов на ветер не бросали, и буквально через полмесяца я был откомандирован из части в распоряжение Главного военного прокурора и назначен на должность военного следователя военной прокуратуры одного из гарнизонов Московского военного округа. Впереди были годы тяжёлой, но интересной и ответственной службы в правоохранительных органах...

ПРОФЕССИЯ – ВОЕННЫЙ СЛЕДОВАТЕЛЬ. СЛЕДСТВЕННАЯ ПРАКТИКА

Расследование закончить в месячный срок

В 70-е годы прошлого столетия, во время моей службы в должности военного следователя, военный прокурор гарнизона, участник Великой Отечественной войны, к нам, молодым военным следователям, относился по-отечески, внимательно выслушивал каждого, если возникали затруднения в расследовании уголовных дел, давал нужные советы. Но следователь по уголовно-процессуальному закону – фигура самостоятельная и за сотни километров от места проведения расследования к прокурору обратиться за помощью не всегда мог, а потому сам принимал нужные решения. Расскажу только об одном громком уголовном деле.

Однажды, когда я уже был старшим военным следователем, военный прокурор гарнизона вызвал меня в кабинет и передал сообщение из линейного отдела внутренних дел о том, что их сотрудники задержали двух рабочих воинской части с украденными тремя автоматами АКС. Случай в советское время беспрецедентный: у нас в розыске из послевоенного времени значился только один утраченный в одной из воинских частей пистолет ТТ и всё.

– Срочно выезжай в ЛОМ (линейный отдел милиции), возбуждай уголовное дело и проведи тщательное расследование, такого давно не случалось, – приказал мне военный прокурор гарнизона.

Захватив следственный портфель, я немедленно выехал на расследование этого ЧП. Прибыв в ЛОМ, я

быстро забрал у сотрудника милиции протокол задержания подозреваемых, изъяты автоматы, вынес постановление о возбуждении уголовного дела и приступил к расследованию там же, в помещении ЛОМ. Вызвав из камеры предварительного задержания (КПЗ) одного из похитителей, я сразу приступил к его допросу. Задержанный, не вдаваясь в детали, рассказал, что они вынесли автоматы из ремонтного цеха, спрятали в кустах, а затем незаметно вывезли с территории части – артиллерийской базы. Отстреливая автоматы для проверки работы их механизмов в овраге недалеко от села, не учли, что стрельба из автомата отличается по звуку от стрельбы из ружья, на чём и «погорели» – кто-то из сельских жителей сообщил в милицию, и их задержали. Опыт подобных допросов у меня уже был накоплен немалый, и я коротко, но твёрдо напомнил допрашиваемому, что мною назначена полная инвентаризация всех хранящихся на складах воинской части автоматов и что лично буду присутствовать при вскрытии и осмотре каждого ящика с оружием в хранилищах части. Достав из мешка опечатанные милиционерами автоматы, я спросил, с какой целью они похитили оружие?

– Для баловства, – неуверенно ответил подозреваемый в хищении оружия.

– Это будете рассказывать своим знакомым, а мне ответьте конкретно: сколько всего вы похитили из воинской части оружия, для каких целей?

Этот вопрос я задал ему, чтобы выяснить конкретную цель похищения такого большого количества автоматов. Для «баловства» хватило бы и одного.

После небольшой паузы задержанный рабочий воинской части сообщил и собственноручно подписал следующие показания. Они с приятелем давно решили похитить из части оружие, замышляя в дальнейшем

сколотить банду для ограблений магазинов и других заведений, где есть деньги и материальные ценности. Автоматы похитили из хранилища, куда проникли, выбив две доски пола. Военская часть, где произошло хищение автоматов, располагалась в пойме реки, и все деревянные постройки складов и хранилищ для предотвращения от затопления во время весеннего половодья ставились на высоких сваях – в метре от земли. Этим воры и воспользовались. Когда же я напомнил допрашиваемому, что чистосердечное признание смягчает ответственность, он сознался, что похитили они не три, а пять автоматов. Один автомат они положили на лафете орудия под брезентом в ангаре на территории воинской части и ещё не вывезли, а ещё один автомат он лично отвёз в дом отца, проживающего в деревне, расположенной в нескольких километрах от воинской части, и спрятал там автомат в сундуке.

Видя такой поворот событий, я доложил о сложившейся ситуации военному прокурору, и, получив санкцию на обыск в ночное время в случае, не терпящем отлагательства, выехал в село для проведения обыска и изъятия похищенного автомата. Отец преступника, ошарашенный такой новостью, впустил нас в дом и, открыв деревянный сундук, обомлел, увидев на дне автомат, накрытый сверху бельём и разной одеждой.

Оформив протокол обыска и изъятия автомата, я убыл в расположение воинской части, где утром и был обнаружен последний из пяти похищенных автоматов в одном из ангаров на лафете артиллерийского орудия, накрытого брезентом.

В ходе следственного эксперимента с участием обоих обвиняемых в хищении оружия и тщательного осмотра хранилища было установлено, что две доски в полу были действительно выбиты и не закреплены гвоздями.

ми изнутри, в двух указанных ворами ящиках в этом хранилище недоставало пяти автоматов, номера похищенных автоматов совпали с номерами на накладных, находящихся в осматриваемых ящиках. Накладные были изъяты и приобщены к уголовному делу. Все пять похищенных автоматов были также приобщены к уголовному делу в качестве вещественных доказательств.

Проведённая в воинской части инвентаризация всего хранящегося там стрелкового оружия подтвердила отсутствие пяти автоматов АКС. Другое стрелковое оружие, хранящееся в воинской части, кроме пяти указанных автоматов АКС, оказалось в наличии.

Прибыв с изъятыми у преступников автоматами к военному прокурору, я получил санкцию на арест обоих подозреваемых, и сотрудники линейного отдела милиции из КПЗ отконвоировали задержанных в следственный изолятор. Расследование мною было закончено в месячный срок. Народным судом оба преступника были осуждены к длительным срокам лишения свободы.

По данному уголовному делу мною было внесено представление командиру воинской части о причинах и условиях, способствовавших совершению этого тяжкого преступления с хищением большого количества боевого огнестрельного оружия, для принятия должных мер по недопущению подобных случаев в дальнейшем и наказания виновных.

После случались факты хищения оружия и боеприпасов из других воинских частей, в ходе расследования мною таких преступлений преступники всегда улавливались, всё похищенное оружие и боеприпасы возвращались в части. Нераскрытых фактов хищений оружия и боеприпасов в период моей службы в нашей военной прокуратуре не было.

Сто дней до приказа

Задолго до опубликования известной повести Юрия Полякова «Сто дней до приказа» (1987 год) мною, военным следователем военной прокуратуры гарнизона, в 1972 году расследовалось уголовное дело о нарушении уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчинённости в одной из воинских частей – отдельном батальоне аэродромно-технического обеспечения, обслуживающего авиационный полк.

В ходе расследования было установлено, что рядовые срочной службы, так называемые на солдатском сленге «старик» (18 месяцев службы) и «черпак» (от 12 до 18 месяцев службы) в расположении казармы подразделения заставляли после отбоя двух молодых солдат, прослуживших в армии менее шести месяцев, залезть на тумбочку и прокричать: «До приказа осталось 100 дней. Спокойной ночи, господа старики!».

Молодые солдаты отказались выполнить эти незаконные требования своих сослуживцев и были ими избиты, причём перед избиением они угрожали потерпевшим армейским штык-ножом, отобранным у дневального. Обоим молодым бойцам были причинены лёгкие телесные повреждения без расстройства здоровья.

Находившиеся в казарме командиры отделений – сержанты, а также лица суточного наряда (дежурный по роте и дневальные) не вмешались для пресечения преступных действий, не приняли неотложные меры к наведению порядка и не доложили о происшествии дежурному по части и командирам из числа офицеров и прапорщиков.

Расследование было закончено в месячный срок, и уголовное дело передано в военный трибунал гарнизона.

Выездное заседание военного трибунала проводилось в доме офицеров полка в присутствии всех военнослужащих гарнизона, свободных от несения службы. Военный трибунал приговорил обоих подсудимых к двум годам и шести месяцам лишения свободы с отбыванием наказания в исправительно-трудовой колонии усиленного режима.

Мною было внесено представление командиру воинской части о причинах и условиях, способствовавших совершению преступления, а также о принятии мер по недопущению подобных случаев в дальнейшем. Во всех подконтрольных медицинских подразделениях (госпиталях, лазаретах, санитарных частях) военным прокурором гарнизона постоянно проводились проверки учётных медицинских документов на предмет выявления травм военнослужащих, связанных с переломами челюсти, носа, а также телесных повреждений, характерных для рукоприкладства (синяки и ссадины), для установления причин травматизма и наказания виновных лиц.

Дело писателей – сочинять, а офицеры военной прокуратуры проводили расследование конкретных уголовных дел, и ни один установленный факт казарменного хулиганства не оставался без должного реагирования. При получении сообщения о совершённом преступлении следователь обязан немедленно выехать на место происшествия, независимо от времени суток, погоды и других причин, и приступить к расследованию для выяснения всех обстоятельств уголовного дела.

В моей следственной практике были случаи совершения военнослужащими особо тяжких преступлений, таких, как убийства, разбойные нападения и т.д., по которым проводился большой объём оперативно-следственной работы, но и преступления о нарушении уставных правил взаимоотношений между военнотру-

жащими при отсутствии между ними отношений подчинённости также тщательно расследовались, уголовные дела передавались в военный суд (тогда это был военный трибунал), и виновные по приговорам суда отправлялись для отбывания наказания в места не столь отдалённые, как правило, в исправительно-трудовые колонии усиленного режима.

Трагедия в карауле

Выезд военного следователя на место происшествия всегда осуществлялся немедленно после получения сообщения о совершённом преступлении и возбуждении уголовного дела. Эта трагедия в карауле произошла в 1972 году. Меня вызвал военный прокурор гарнизона и передал сообщение командира одной из воинских частей о том, что в карауле автоматной очередью убит начальник караула, сержант срочной службы. Убийство совершил солдат из состава караула после смены часовых. По поручению военного прокурора я на служебном автомобиле немедленно выехал в эту воинскую часть. К моему прибытию тело убитого сержанта было отправлено в морг, а караул решением командира воинской части был заменён другими военнослужащими.

В сопровождении дежурного по части произвёл осмотр места происшествия. Начальник караула был убит после смены часовых в 50 метрах от караульного помещения, на дороге, проходящей внутри охраняемого периметра воинской части. На песке обнаружено пятно бурого цвета, похожее на засохшую кровь, и пять стреляных гильз от автомата АК калибра 7,62 мм. Автомат, закреплённый за подозреваемым в убийстве солдатом, и стреляные гильзы были изъяты и общены к уголовному делу в качестве вещественных доказательств. После этого в морге был произведён

осмотр трупа убитого сержанта с участием судебно-медицинского эксперта. На правом боку туловища имелись пять входных сквозных пулевых отверстий в виде цепочки, других повреждений на трупе не обнаружено. По заключению судебно-медицинской экспертизы смерть наступила от механического разрушения сердечной мышцы и отрыва аорты.

Картина произошедшего прояснилась только после проведения допросов всех военнослужащих из состава караула и подозреваемого в убийстве солдата срочной службы, который был одного года призыва с убитым сержантом. Начальник караула, сержант срочной службы, после смены часовых на посту грубо нарушил свои обязанности, предусмотренные Уставом гарнизонной и караульной службы Вооружённых Сил СССР, и по дороге в караульное помещение затеял со своим подчинённым «игру» – «Стой, стрелять буду!», при этом оба направляли друг на друга заряженные автоматы, взяв оружие из положения «на ремень» в положение изготовления для стрельбы стоя. Рядовой, сменившийся с поста, снял автомат с предохранителя и, поставив флажок предохранителя на ведение автоматического огня, дослал патрон в патронник. После слов начальника караула «Всё, пошли» сержант взял свой автомат «на ремень» и направился в караульное помещение, а солдат, пытаясь разрядить автомат, случайно нажал на спусковой крючок. В момент выстрела сержант обернулся, подставив правый бок. Расстояние между ними было не более трёх шагов. Прозвучала автоматная очередь, и, сражённый пятью пулями, начальник караула упал на землю и скончался на месте. В карауле после случившегося началась паника, что и послужило основанием для замены всего состава караула...

В армии не случайно утвердилось изречение, что все Уставы «написаны кровью». Согласно действующему

в то время Уставу гарнизонной и караульной службы ВС СССР, ст. 108, 109, оружие в карауле заряжается и разряжается только в строго отведённых местах, где установлены пулеулавливатели, при этом патрон в патронник не досылается. Начальник караула вместо того, чтобы требовать от личного состава караула выполнения уставных требований, высокой бдительности и дисциплины, сам спровоцировал грубые нарушения требований Устава, что и привело к трагедии... В целях проверки показаний солдата, подозреваемого в убийстве, был проведён следственный эксперимент.

Выполнив все необходимые первоначальные следственные действия, я передал уголовное дело для окончательного расследования другому военному следователю, а сам по поручению военного прокурора выехал в другую воинскую часть для расследования хищения огнестрельного стрелкового оружия – пистолета ПМ.

Исследование микрочастиц

Криминалистические лаборатории, повсеместно открытые в областных управлениях внутренних дел в 70-е годы прошлого века, внесли огромный вклад в раскрытие многих преступлений, но возникла необходимость в создании единого научно-исследовательского института.

В 1970 году в соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 30 июня № 634 «О мерах по улучшению работы судебных и прокурорских органов» было воссоздано Министерство юстиции СССР, и ЦНИИСЭ Юридической комиссии Совета министров РСФСР преобразован во Всесоюзный НИИ судебных экспертиз Министерства юстиции СССР (ВНИИСЭ).

В 1972 году мне, тогда военному следователю, при расследовании уголовного дела о покушении на убийство потребовалась помощь именно этого института.

...Получив сообщение от командира одной из воинских частей гарнизона о чрезвычайном происшествии – ножевом ранении военнослужащего срочной службы – сержанта, я выехал в отдалённый посёлок для расследования этого преступления. По прибытии в воинскую часть сразу установил, что событие произошло в летнем палаточном лагере, где разместили солдат одной из рот отдельного батальона аэродромно-технического обеспечения на время проведения ремонта казармы. Сержант был ранен ночью в палатке после отбоя, когда спал. Никаких внешних повреждений палатка не имела. Чтобы нанести удар, преступнику достаточно было приподнять брезент – кровать сержанта находилась у края палатки. На простыне имелись бурые пятна, похожие на кровь. Раненого сержанта ночью доставили в районную больницу с проникающим ножевым ранением грудной клетки, у него было повреждено лёгкое; от развившегося пневмоторакса он мог умереть, но врачи успели провести сложную операцию и спасли пострадавшего.

Подозрение вызвал солдат из отделения сержанта, поскольку между ними сложились неприязненные отношения. Оба были первого года службы и одного призыва, «дедовщина» исключалась. Но сержант был требовательным командиром отделения и никому поблажек не давал. При проведении допроса подозреваемого в совершении преступления солдата я обратил внимание на глубокий свежий порез большого пальца кисти правой руки. Солдат признался, что он хотел убить сержанта за повышенную требовательность,

ударил его сонного в грудь лезвием ножниц. Когда наносил удар, то порезал себе палец. Лезвие ножниц выбросил в лесу у палаточного лагеря. Эта часть ножниц через полчаса была обнаружена мною в траве, там, где указал солдат, подозреваемый в совершении преступления. На вопрос, где он хранил это лезвие ножниц, солдат сообщил, что носил с собой в правом кармане брюк. Ручка найденной части ножниц была покрыта твёрдым веществом синего цвета, на котором имелись сколы и отслоения этого вещества, нанесённого на кольцо. Брюки и обнаруженная часть ножниц мною в присутствии понятых были изъяты, опечатаны и отправлены в вышеназванный научно-исследовательский институт на трасологическую экспертизу.

Исследование микрочастиц, выявленных в кармане брюк, показало их полную однородность с веществом, нанесённым на представленную на исследование ручку ножниц не только по составу вещества, но и по локализации микрочастиц с имеющимися сколами и углублениями на кольце ручки ножниц.

Дальнейшее расследование проводилось до полного сбора и закрепления всех доказательств по данному уголовному делу: проведены судебно-медицинская и судебно-психиатрическая экспертизы, допрошены свидетели. Выполнен ряд других следственных действий. Преступник был осуждён военным судом к длительному сроку лишения свободы, а сержант после выписки из больницы и восстановления здоровья в военном госпитале продолжил военную службу.

Директору ВНИИСЭ было направлено представление о поощрении сотрудников, внёсших весомый вклад в раскрытие особо тяжкого преступления и избличения преступника.

Детоубийство

Во время службы в должности старшего военного следователя мне приходилось расследовать уголовные дела различной категории сложности, но одно из них врезалось в память крайней бесчеловечностью произошедшего.

Это случилось в 1972 году. Я тогда закончил расследование по одному из уголовных дел, находившихся в моём производстве, и зашёл в кабинет военного прокурора для утверждения обвинительного заключения. Военный прокурор гарнизона, утвердив представленный ему на подпись процессуальный документ, с нескрываемым огорчением произнёс:

– Оставьте мне уголовное дело. Передам судье. Только что получено сообщение от командира воинской части: на территории закрытого военного городка обнаружен труп новорождённого ребёнка. Срочно выезжайте в часть, возбуждайте уголовное дело и действуйте по обстановке, командировочное предписание уже подписано. УАЗ во дворе, водитель Вас ждёт в машине.

Меня охватило плохо скрываемое волнение и, зайдя в комнату секретаря, я только и мог сказать:

– Это же детоубийство! Доложу, как только разберусь в ситуации.

В машине по дороге в часть набросал план расследования и, прибыв на КПП воинской части, оставил автомобиль с водителем на стоянке, а сам направился в штаб. Офицеры части на ходу здоровались со мной и с сокрушённым видом разводили руками. Начальник штаба коротко сообщил мне, что труп новорождённого ребёнка-девочки обнаружили рабочие-ассенизаторы при очистке общественного туалета в выгребной яме, труп отправили в морг, других подробностей он не знает. Я попросил выдать мне в помощь военного дознавателя, вынес поста-

новление о возбуждении уголовного дела и принятии его к своему производству, и мы с дознавателем выехали в морг, расположенный на территории районной больницы. Судебно-медицинский эксперт встретил нас на входе в помещение морга, и мы в присутствии понятых приступили к осмотру трупа ребёнка.

В ходе осмотра было установлено, что это труп новорождённой девочки, пуповина оторвана, на шее ребёнка затянута петля из матерчатого пояса от платья, который завязан двумя узлами. Внешних повреждений на трупе ребёнка не обнаружено.

Гнетущую тишину происходящего нарушили слова санитарки:

– На такое и волчица не способна...

Я вынес обязательное в таких случаях постановление о назначении судебно-медицинской экспертизы, и судебно-медицинский эксперт дал заключение, что ребёнок родился доношенным, смерть наступила от механической асфиксии – удушения. С момента смерти прошло не более трёх суток. На словах судмедэксперт мне объяснил, что у родившей ребёнка женщины при её медицинском осмотре будут обнаружены явные признаки недавних родов.

В сложившейся ситуации нельзя было терять ни минуты времени, и мы с дознавателем сразу вернулись в закрытый военный городок для продолжения расследования. Мне был выделен для работы отдельный кабинет, и первым на допрос я вызвал начальника ремонтного цеха воинской части, у которого в подчинении работали женщины, оформленные как рабочие Советской Армии. В ходе допроса выяснил, что никому из женщин цеха дородовый декретный отпуск не предоставлялся.

Я объяснил начальнику цеха, что на закрытую территорию посторонние женщины попасть не могли, а по-

сколько обнаружен труп новорождённого ребёнка, то мне придётся искать детоубийцу среди работниц части следственным путём. Тут же дал поручение дознавателю принести из санчасти все медицинские карты работавших в части женщин для осмотра этих документов.

Осмотром медицинских документов, проведённым в присутствии понятых и начальника санчасти, мне удалось установить, что на недомогания, указывающие на возможную беременность, к врачу обращалась только одна из работниц цеха, которую я сразу вызвал на допрос. Когда женщина зашла в кабинет, я заметил, что она сильно взволнована. Разъяснив женщине статью УК РСФСР об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний, я попросил её рассказать, что ей известно о чрезвычайном происшествии с обнаружением трупа новорождённого ребёнка.

То, что рассказала на допросе эта женщина, меня сильно поразило, ничего подобного в моей следственной практике ещё не было. Она сообщила, что у неё растёт ребёнок – девочка в возрасте двух лет, она мать-одиночка, проживает с родителями. Забеременела и твёрдо решила никому об этом не говорить, а когда признаки беременности стало трудно скрывать из-за появившегося живота, стала носить туго стягивающий тело корсет. Три дня тому назад почувствовала приближение родов, зашла в общественный туалет на территории закрытого военного городка, и, родив живым ребёнка-девочку, с целью избавиться от него, руками перервала пуповину, туго стянула шею ребёнка поясом от платья и выбросила труп новорождённой девочки в выгребную яму. Когда узнала, что при очистке туалета рабочие вытащили из ямы труп рождённой ею девочки, поняла, что ей грозит за это уголовная ответственность. Заявить об этом в милицию побоялась.

После того, как женщина собственноручно записала свои показания в протокол, я вынес постановление о её судебно-медицинском освидетельствовании как подозреваемой в убийстве новорождённого ребёнка. При медицинском освидетельствовании этой женщины судмедэксперт установил, что у неё имеются признаки недавних родов, с момента родов прошло не более трёх суток.

Женщина мною была допрошена повторно уже в качестве подозреваемой в убийстве, задержана, помещена в КПЗ районного отдела милиции, а после предъявления обвинения в детоубийстве заключена под стражу.

Районным судом осуждена к длительному сроку лишения свободы.

Когда в СМИ появляются сообщения об обнаружении брошенных грудных детей, мне вспоминается этот страшный эпизод детоубийства, совершённого матерью ребёнка...

Ночной вызов

Сколько было ночных вызовов в моей следственной практике, сказать не могу – не считал. Такова специфика службы. Но на одном ночном вызове остановлюсь и опишу подробно.

Случилось это в 1973 году, когда я был назначен на должность старшего военного следователя военной прокуратуры гарнизона. К тому времени я уже был обеспечен жилой площадью – двухкомнатной квартирой, но телефона в квартире не было, и это создавало много проблем, связанных с выездами на место происшествия в ночное время. По настойчивой просьбе военного прокурора телефон, наконец, в моей квартире установили. Кроме меня, ни у кого из военных следова-

телей нашей военной прокуратуры домашних телефонов не было. Как объяснил в приватной беседе военный прокурор, он решил, что телефон должны установить в первую очередь именно мне. Ему нужен надёжный, исполнительный офицер, готовый в любую минуту дня и ночи выехать по вызову, при этом с улыбкой на лице произнёс известную поговорку: «Кто везёт, того и погоняют». Тогда я воспринял это, как доверие.

Не прошло и месяца, и вдруг в три часа ночи раздался телефонный звонок, и военный прокурор приказал мне немедленно выехать на место преступления – убийство женщины офицером одной из воинских частей. Машина за мной послана. Уголовное дело прокурор уже возбудил, моя задача – принять дело к своему производству, выполнить неотложные следственные действия и передать ему материалы для направления по подследственности в военную прокуратуру, обслуживающую эту воинскую часть. Следователи из Москвы в воинскую часть выехали.

Через несколько минут я был в служебном автомобиле, и мы с водителем вскоре прибыли в указанную воинскую часть. Начальник штаба был явно потрясён чрезвычайным происшествием, понимая, что приезд военного следователя ничего хорошего не сулит. Я распорядился принести необходимую документацию и выделить мне понятых, после чего сразу приступил к осмотру места происшествия. Убийство произошло в здании общежития, в комнате, расположенной на втором этаже. Эту комнату занимал подозреваемый в убийстве офицер, который в момент убийства был дежурным по части. Офицер сразу был задержан и отправлен в КПЗ районного отдела милиции. Прибывший сотрудник милиции сообщил мне, что офицер

пьян, а женщина скончалась по пути в больницу, тело отправлено в морг. Начальник штаба принёс мне необходимую документацию дежурного по части, и мы зашли в комнату. На полу была лужа крови, в стекле форточки окна имелось повреждение, похожее на отверстие от пули. В луже крови обнаружена серьга из жёлтого металла. На столе в беспорядке валялись стаканы, пустые бутылки из-под водки и пива, закуска, окурки. В чайнике с водой был обнаружен пистолет ПМ, в обойме магазина не доставало двух патронов. Две стреляные гильзы от патронов к ПМ были обнаружены на полу комнаты. В полу имелось отверстие диаметром 9 мм, предположительно, от пистолетной пули. По документам обнаруженный пистолет ПМ был закреплён за подозреваемым в убийстве офицером и выдан ему при заступлении на дежурство. Я попросил принести метровую металлическую проволоку толщиной не более 9 мм для определения угла вхождения пули в доску пола, угол составил 45 градусов. После этого рабочий воинской части выломал пробитую пулей доску, и под ней я обнаружил пулю от пистолета ПМ со следами нарезов канала ствола. Все обнаруженные на месте происшествия вещественные доказательства были изъяты и приобщены к уголовному делу.

Закончив осмотр места происшествия, я выехал в РОВД для проведения допроса офицера, подозреваемого в убийстве. На вопрос, что произошло, задержанный офицер, старший лейтенант, заявил, что он совершенно трезв, выстрел произвёл случайно, убитая – его сожительница. Выстрел был один. В момент выстрела они стояли лицом друг к другу. Показания явно противоречили результатам осмотра места происшествия, и чтобы не терять время и изобличить преступника, я вынес

постановление о проведении освидетельствования задержанного и изъятии образцов крови и мочи для установления наличия алкоголя, после чего доставил задержанного в военный госпиталь. Исследование показало наличие алкоголя в крови задержанного 1,1 промилле, что соответствовало средней степени опьянения.

Повторный допрос задержанного офицера я проводил уже в присутствии военного прокурора, и мы выяснили следующую картину произошедшего. Как показал задержанный офицер, он самовольно ушёл с дежурства в общежитие к своей сожительнице. Распивал с ней спиртные напитки и, поссорившись, свалил её на пол и выстрелил из пистолета в голову. Второй выстрел произвёл после первого случайно, т.к. патрон был автоматически дослан в патронник пистолета, он нажал на спусковой крючок, и пуля ушла через оконное стекло, никого не задев. Судебно-медицинской экспертизой исследования трупа убитой женщины было установлено, что входное отверстие пули находилось в левой ушной раковине, выстрел был произведён в упор, пуля прошла через череп навылет. Смерть наступила в результате механического повреждения головного мозга.

Дальнейшее расследование проводилось прибывшими из Москвы военными следователями, преступник был осуждён к длительному сроку лишения свободы.

На очередном служебном совещании военный прокурор гарнизона похвалил меня за профессиональное расследование убийства и добавил, что домашний телефон в моей квартире установлен своевременно и с пользой для общего дела.

Купите карабин

За время службы в военной прокуратуре случались происшествия, которые нельзя забыть.

Вот один из таких эпизодов. Случилось это в батальоне аэродромно-технического обеспечения, обслуживающего бомбардировочный авиационный полк, в 1973 году. Из поступившего сообщения стало известно, что солдат из караула батальона, охранявшего аэродром, находясь часовым на посту, самовольно покинул пост с карабином СКС и тремя обоймами по 10 патронов, его местонахождение неизвестно, в воинской части объявлена тревога и организованы поиски беглеца. Возбудив уголовное дело по факту дезертирства с оружием, я выехал в воинскую часть. Ещё на КПП этой воинской части мне сообщили, что солдат пойман и мне выделен автомобиль для выезда к месту задержания в село, расположенное в нескольких километрах от аэродрома.

Со мной выехал начальник штаба батальона, и с ним – два бойца, вооружённые карабинами СКС. В селе уже поработала местная милиция и нам передали задержанного солдата, но без оружия. На вопрос, где карабин, солдат нечленораздельно ответил, что продал оружие и патроны деду за 10 рублей. Солдат был в сильной степени опьянения и до вытрезвления начальник штаба батальона отправил его под охраной на гауптвахту. Местные жители нам рассказали, что солдат заходил во многие дома, пока не продал карабин деду на краю села, после чего купил в магазине бутылку водки, закуску, выпил спиртное и уснул возле магазина, где и был задержан прибывшими работниками милиции.

80-летний старик, проживавший один в избе на краю села, добровольно выдал карабин СКС и патроны. Зачем он покупал у солдата боевое оружие, старик ничего вразумительного сказать не смог – страдал

старческим склерозом. Оформив протокол выемки, я произвёл осмотр оружия и боеприпасов и приобрёл изъятый карабин СКС и патроны в количестве 30 штук к уголовному делу в качестве вещественных доказательств, поручив дознавателю передать оружие и подсумок с патронами на хранение в оружейную комнату подразделения, в котором служил сбежавший солдат.

Прошло менее суток после самовольного оставления части военнослужащим срочной службы.

Из допросов командира подразделения и сослуживцев задержанного рядового стало понятно, что за полгода службы в воинской части солдат ничем себя не проявил, был необщителен, замкнут, часто подолгу смотрел в одну точку. Я принял решение направить задержанного на стационарную судебно-психиатрическую экспертизу, которая вынесла решение о невменяемости военнослужащего с диагнозом «шизофрения».

В военный комиссариат по месту призыва сбежавшего военнослужащего было направлено представление об улучшении работы призывной комиссии и тщательном медицинском освидетельствовании призывников врачами-психиатрами.

Уголовное дело мною было прекращено за отсутствием события преступления...

Следственный эксперимент

В работе военного следователя, в ряду проводимых следственных действий, особое место занимает следственный эксперимент. Он проводится в целях проверки и уточнения данных, имеющих значение для уголовного дела, и следователь вправе воспроизвести действия, обстановку или иные обстоятельства совер-

шённому преступлению, при этом исключается опасность для здоровья участвующих в нём лиц.

Летом 1973 года на территории закрытого военного городка в одной из воинских частей военно-транспортной авиации было совершено тяжкое преступление – тяжело ранен ножом рабочий Ташкентского авиационного завода, где тогда выпускались знаменитые самолёты АН-122 «Антей», прибывший в часть для обслуживания принятых с завода самолётов. Получив сообщение о чрезвычайном происшествии, я возбудил уголовное дело и немедленно выехал на место происшествия.

Прибыв в воинскую часть, сразу обратился к начальнику штаба с просьбой о выделении мне понятых и приступил к расследованию. На месте выяснил, что группа рабочих Ташкентского авиационного завода в количестве пяти человек оказывала помощь авиационным техникам в обслуживании нового самолёта АН-122 «Антей». После проведения регламентных работ эти рабочие пригласили в свою компанию одного из авиационных техников – офицера в звании старший лейтенант, купили в продовольственном магазине на территории закрытого военного городка две трёхлитровые банки плодово-ягодного вина, названного в народе бормотухой, и под окнами общежития распивали это вино. Во время выпивки старший лейтенант с имеющимся у него ножом-стилетом ранил в грудь одного из рабочих, которого скорая помощь увезла в больницу, где ему сделали сложную хирургическую операцию, и он выжил. По заключению судебно-медицинской экспертизы потерпевшему было причинено тяжкое телесное повреждение, опасное для жизни.

В ходе допросов рабочих и старшего лейтенанта выяснилось, что никакой ссоры между ними не было, удар ножом был нанесён офицером беспричинно, из хулиганских побуждений, в состоянии сильного алкоголь-

ного опьянения. Нож-стилет мною был изъят и приобщён к делу в качестве вещественного доказательства. По заключению судебно-криминалистической экспертизы нож отнесён к холодному оружию.

Пытаясь уйти от ответственности за содеянное, старший лейтенант стал настаивать на том, что ранение он причинил потерпевшему случайно, толкнув его рукой, в которой держал нож-стилет. Чтобы опровергнуть эти заявления, я взял в криминалистической лаборатории управления внутренних дел манекен в форме человеческого корпуса из ткани, набитый ватой, и приступил к проведению следственного эксперимента на месте происшествия с участием старшего лейтенанта и понятых. Закрепив на земле в сидячем положении манекен, я, в целях безопасности, привязал к ножу-стилету прочную металлическую цепочку, свободный конец которой защёлкнул за бампер автомобиля УАЗ, после чего передал нож-стилет подозреваемому в совершении преступления старшему лейтенанту и в присутствии понятых попросил его показать, как он причинил ножевое ранение человеку. В течение нескольких минут старший лейтенант похлопывал боковой частью лезвия клинка ножа-стилета по туловищу манекена, но никакого проникновения лезвия в ткань манекена не происходило. Убедившись в бесполезности доказывания того, чего быть не может, старший лейтенант вынужден был с усилием пырнуть острием клинка ножа-стилета в ткань манекена, что было зафиксировано на фотоплёнку. Лезвие клинка ножа-стилета вошло в манекен на 8 сантиметров, что и требовалось доказать. Протокол следственного эксперимента был подписан всеми участниками этого следственного действия, в том числе и старшим лейтенантом.

По делу, кроме судебно-медицинской экспертизы, была проведена и судебно-психиатрическая экспертиза обвиняемого в совершении преступления офицера, он был признан вменяемым и осуждён военным судом к длительному сроку лишения свободы.

В адрес командира воинской части и начальника военоторга было внесено представление о причинах и условиях, способствовавших совершению этого тяжкого преступления и недопустимости торговли крепкими спиртными напитками в трёхлитровых банках на вынос на территории закрытых военных городков.

«Насолить» начальнику

28 июня 1973 года мною, старшим военным следователем военной прокуратуры гарнизона, после получения сообщения от командира воинской части о хищении пистолета ПМ из сейфа дежурного по части было возбуждено и принято к своему производству уголовное дело по факту хищения боевого стрелкового оружия.

Из поступившего сообщения стало известно, что факт пропажи пистолета ПМ был обнаружен ещё 27 июня при смене дежурных по части, но сразу в военную прокуратуру командование части об этом не сообщило, надеясь найти похищенный пистолет своими силами, без посторонней помощи. Когда же стало ясно, что без доклада в следственные органы пистолет не найти, спустя сутки сообщили о случившемся в военную прокуратуру. Такие факты замалчивания совершённых преступлений всегда приводили к потере драгоценного времени поиска преступников «по горячим следам», что осложняло процесс расследования.

Через час после получения сообщения и возбуждения уголовного дела я уже был в комнате дежурного по части, откуда был похищен пистолет ПМ.

Осмотром места происшествия и первоначальными следственными действиями было установлено, что комната дежурного по части расположена непосредственно в здании штаба части. Здание штаба части представляло собой одноэтажное кирпичное строение. Первая от входа комната и была местом дежурного по части. Эта комната изолирована от других внутренних помещений, единственное окно закрыто металлической решёткой без следов повреждения. Сейф с личным оружием офицеров и прапорщиков воинской части расположен в дальнем углу комнаты дежурного. Следов взлома на сейфе не обнаружено. Согласно документации, ключи от сейфа и печать всегда должны были находиться у дежурного офицера, но иногда, в нарушение установленных правил, передавались помощнику дежурного из числа прапорщиков. Допускалось нахождение в комнате дежурного по части почтальона, солдата срочной службы, но ключи от сейфа и печать ему никогда не передавали.

Таким образом, изъятие пистолета из сейфа в отсутствие вышеперечисленных лиц исключалось. Но чтобы это доказать, потребовалось провести дактилоскопию всех офицеров и их помощников, поскольку в сейфе отпечатков пальцев посторонних лиц обнаружено не было.

Дальнейшее расследование показало, что передача оружия дежурными друг другу производилась халатно, без проверки пистолетов по номерам. Единственной зацепкой был тот факт, что похищенный из сейфа пистолет ПМ, закреплённый за одним из офицеров, был получен этим офицером при заступлении на дежурство с 22 на 23

июня, и он сличал пистолет по номеру. Офицер категорически отрицал любое подозрение в причастности к хищению, поскольку заступивший на его смену офицер подтвердил, что похищенный пистолет был сдан при смене дежурных и поставлен в сейф, а после этого офицер дежурным по части не заступал. Отсюда следовал вывод, что с 22 по 27 июня сменились пять дежурных по части офицеров и никто из них, кроме офицера, заступившего в наряд 27 июня, даже не пересчитывал пистолеты в сейфе, не говоря уже об их сличении по номерам. Всё это только осложняло дальнейшее расследование.

Несмотря на грубые нарушения правил хранения и получения оружия ревизией и следственными действиями было установлено, что похищенный пистолет ПМ проходил по учётным документам части с 1970 года. Это нашло своё подтверждение и в ходе ранее проводимых проверок наличия оружия.

Чтобы исключить все возможные версии, территория воинской части была тщательно обследована сапёрами с применением миноискателей и магнитных подъёмников, установлены и допрошены все посторонние лица, которые в указанный период посещали воинскую часть. Следственным и оперативным путём было установлено, что в период с 22 по 27 июня 1973 года не было ни одного случая, когда бы в дежурной комнате не находились лица суточного наряда и этим могли бы воспользоваться посторонние.

После проведения всех указанных следственных действий, допросов свидетелей и очных ставок мною был объявлен розыск похищенного пистолета. Проводимые неоднократные обращения к общественности и выяснение взаимоотношений офицеров с командованием и внутри коллектива показали, что отдельные офицеры

и прапорщики были недовольны требовательностью командира воинской части к выполнению офицерами и прапорщиками своих служебных обязанностей. На сленге это называлось «насолить» командиру, чем и воспользовались преступники, знавшие о грубых нарушениях порядка хранения и получения пистолетов.

Но проводимые в части следственные действия держали в постоянном напряжении виновных лиц, и нервы у последних окончательно сдали: пистолет был подброшен в урну, установленную перед входом в штаб части, в полиэтиленовом пакете. Исследования на отпечатки пальцев на пистолете положительных результатов не дали, но обнаруженные микрочастицы кроличьего меха на полиэтиленовом пакете позволили определить дальнейший ход расследования по установлению виновных лиц...

Подозреваемые в хищении пистолета офицер и прапорщик были уволены из армии по служебному несоответствию. Легко отделались, поскольку сведения, полученные оперативным путём об их причастности к хищению пистолета, не подлежали разглашению.

Горе-охотники

Картина Василия Перова «Охотники на привале» известна всем как шедевр, высмеивающий охотничьи байки. Но на охоте случаются далеко не смешные истории, если охотники не соблюдают установленные правила охоты. Расскажу о конкретном уголовном деле, которое мне довелось расследовать во время службы старшим военным следователем. Случилось это на Брянщине, в Дубровском районе в сентябре 1974 года.

Два офицера одной из воинских частей решили поохотиться на уток.

Взяв необходимые путёвки в военно-охотничьем обществе, они ранним субботним утром отправились в охотничьи угодья у слияния рек Огородня и Уса, расположенные в десяти километрах от места дислокации части.

Местность представляла собой заболоченную низину, заросшую кустарником. В этот же район, но чуть раньше их, прибыл местный охотник, человек гражданский. На свою беду, он сразу спрятался в кустах и никаких сигналов о своём местонахождении офицерам не подавал, хотя находились они от него на расстоянии ружейного выстрела – в 25 метрах.

Офицеры зарядили ружья, и тут случилось непоправимое: увидев низколетающих уток, один из офицеров произвёл по ним выстрел ниже роста человека в зарослях. А так стрелять правилами охоты категорически запрещено. Дробь буквально изрешетила телогрейку местного охотника, причинив множественные повреждения тела. Одна из дробинок попала в глаз. Прибежавшие на крик к пострадавшему офицеры на своём автомобиле доставили раненого в районную больницу, но полностью спасти зрение не удалось – человек лишился глаза.

По данному факту мною было возбуждено уголовное дело и в кратчайшие сроки проведены необходимые следственные действия: осмотр места происшествия, судебно-медицинская экспертиза, допросы потерпевшего, подозреваемого и свидетелей, очные ставки. Был проведён и следственный эксперимент, в ходе которого было установлено, что с места произведения выстрела находившийся в кустах человек стрелявшему не был виден. Причинённый материальный и моральный вред потерпевшему обвиняемый в ходе следствия полностью возместил.

Военным судом офицер, виновный в причинении тяжкого вреда здоровью по неосторожности, был осуждён к двум годам лишения свободы условно.

Мною было внесено представление командиру воинской части о причинах и условиях, способствовавших совершению данного преступления, в том числе и по улучшению работы военно-охотничьего общества в части строгого выполнения охотниками установленных правил охоты. Во все воинские части гарнизона был направлен обзор следственной практики о совершённых правонарушениях с подробным изложением материалов данного уголовного дела. Впоследствии подобных случаев нарушения правил охоты в частях гарнизона не было.

Самострел

В апреле 1976 года мне в военном госпитале провели хирургическую операцию, в связи с чем я приступил к исполнению служебных обязанностей сразу после Первомая. Прибыв на службу, я доложил военному прокурору, что операция прошла успешно и готов к следственной работе. Мы поздоровались, и военный прокурор тут же сказал мне:

– Главное, что вовремя подлечили. У нас в гарнизоне чрезвычайное происшествие. В одной из воинских частей солдат совершил самострел, выезжайте с водителем на служебной машине на место происшествия.

Как оказалось, сообщение из воинской части поступило в военную прокуратуру только что, и обстоятельства произошедшего надо было выяснять на месте.

В воинской части на КПП меня встретил военный дознаватель, который сообщил, что солдат из состава караула, находясь часовым на посту, выстрелил себе

в бок из автомата и срочно был госпитализирован. С дежурным по части, военным дознавателем и понятыми сразу осмотрел место происшествия на охраняемой территории части, изъял обнаруженную на песке стреляную гильзу и автомат часового, приобщил к уголовному делу в качестве вещественных доказательств и немедленно выехал в военный госпиталь. Врач-хирург разрешил провести допрос солдата в палате и, представив мне медицинскую выписку из истории болезни, сообщил, что ранение касательное, внутренние органы не задеты, лечение займёт несколько дней.

Проведённой судебно-медицинской экспертизой ранение отнесено к лёгкому, вызвавшему кратковременное расстройство здоровья.

Раненый солдат на вопрос, что случилось, пояснил, что накануне его беспричинно два раза ударил кулаком в лицо старослужащий солдат и назвал его фамилию. Нанося удары, обидчик сказал ему, что это он сделал «для порядка». Следов побоев от ударов на лице не осталось. Не сообщив командиру взвода, что его избил старослужащий солдат, он, заступив в караул и находясь на посту, произвёл выстрел из автомата в бок, чтобы этот старослужащий солдат его больше не трогал. Били ли старослужащие солдаты других молодых солдат, допрашиваемый военнослужащий ответил отрицательно.

Путём допросов и очных ставок в течение нескольких дней расследование по уголовному делу о нарушении уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчинённости было закончено, виновный старослужащий солдат был арестован и осуждён военным трибуналом к двум годам и шести месяцам лишения свободы с отбыванием наказания в исправительно-трудовой колонии усиленного режима. Уголовное дело в отношении рядо-

вого, совершившего самострел, было прекращено за отсутствием состава преступления, и он после выписки из госпиталя продолжил военную службу в части.

Командиру воинской части мною было внесено представление о причинах и условиях, способствовавших совершению этого преступления и принятии мер по улучшению дисциплины среди личного состава.

На Крайнем Севере

На дворе стоял январь 1982 года. 12 лет моей службы в Вооружённых Силах СССР прошли в партизанском крае, на Брянщине. Исходя из многих обстоятельств службы, в том числе и учитывая недостаточную выслугу лет (военная кафедра тогда в срок службы не засчитывалась), я подал рапорт по команде об откомандировании меня для прохождения дальнейшей службы в районы Крайнего Севера, где год службы засчитывался за два. Мне был предложен Магадан, и в начале июня 1982 года поступил приказ об откомандировании меня из Московского военного округа в распоряжение Командующего войсками Дальневосточного военного округа. Впереди меня ждал суровый Север, как минимум, на три года.

24 июня 1982 года я выехал из Брянска поездом до Москвы, а затем из аэропорта Домодедово на самолёте ИЛ-62 вылетел в Магадан. Восемь часов полёта прошли в томительном ожидании. Уже на подлёте к Магадану самолёт взял курс на запасной аэродром Анадыря. Из кабины вышел пилот и, поскольку я сидел в кресле первого ряда от кабины лётчиков, то он сказал мне, что в Магадане нелётная погода. Только через два часа самолёт совершил посадку в аэропорту Анадыря.

Ещё в иллюминатор я увидел заснеженные сопки и пожухлый олений мох-ягель на земле, за бортом лайнера. Первыми в салон фюзеляжа самолёта зашли пограничники, одетые в шинели.

В здании аэропорта было холодно и неудобно. В буфете был довольно скудный выбор закусок и напитков, но была копчёная красная рыба.

Задержка вылета длилась 12 часов, и мы снова в воздухе. Наконец приземление в аэропорту Магадана.

Когда я увидел зелёные лиственницы у здания аэропорта, сразу приободрился – на Колыме стояло короткое лето. Первая неделя прошла в вынужденной акклиматизации, мой организм приспособивался к новому климату: днём и ночью было светло, хотелось постоянно спать... Но это обычное явление для всех прибывающих на Крайний Север.

В поезде из Брянска до Москвы сочинил строки небольшого стихотворения, которое назвал «Я покинул опять мой родной уголок», ведь это был уже не первый перевод к новому месту службы.

А затем на Колыме и Чукотке я написал цикл стихов, вошедший в поэтический сборник «Северное сияние». Так рождались стихи. Но об этом расскажу более подробно в следующих заметках.

Я на годы покинул родной уголок,
Под стальной перестук засыпаю.
Мчусь я в синюю даль от молвы и от склок,
Захотелось бродить по припаю.

Наяву и во снах я не в силах унять
Холодящую сердце тревогу.
Лишь успел на прощание друга обнять,
И с котомкою снова в дорогу...

Колымский маршрут

Во время службы на Крайнем Севере первая зима на Колыме прошла в постоянных командировках в Хасынский, Ягоднинский, Сусуманский, Среднеканский и Омсукчанский районы Магаданской области, когда трескучие морозы минус 50 градусов – обычная температура воздуха. Не надо забывать, что суровый колымский климат осложняют постоянные снежные бури.

Оказавшись в посёлке Сеймчан в январе 1983 года, буквально через день из-за сильного мороза и нависшего над посёлком ледяного тумана все полёты в Магадан были отменены. Местные аборигены подсказали, что на другом берегу скованной льдом Колымы есть автостанция, дальше можно доехать на автобусе до Стрелки, это пересадочный пункт на трассе. Другого выбора вернуться в Магадан не было.

Ранним утром я вышел из гостиницы на берег Колымы и, петляя по торосам и сугробам, перешёл на другой берег, преодолев около километра по колено в снегу.

На том берегу невдалеке была будка, откуда уходил рейсовый автобус. Встретил возле будки охотника с зачехлённой двустволкой. В ожидании автобуса разговорились:

– На охоту собрались?

– Еду охотиться на глухарей, водитель притормозит, он тайгу знает.

В автобусе за разговором коротали с ним отрезок пути, пока водитель среди зарослей лиственницы и кедрового стланика остановил автобус, и охотник вышел искать своё счастье.

– Ни пуха ни пера! – крикнул я ему вслед.

– К чёрту! – ответил незнакомый охотник и начал расчехлять ружьё...

Прибыв в посёлок Стрелка, сразу узнал, что если перевал «Капрановский» (высота 1300 метров) на трассе открыт, то можно попросить начальника местной автоколонны подвезти попутно в Омсукчан, а дальше в Магадан улететь на самолёте.

Геологи Омсукчана увековечили память о своём коллеге, геологе Евгении Капранове, трагически погибшем на перевале 13 июня 1949 года – замёрз в метель.

В Омсукчане жил один из моих друзей. Туда по делам собирался ехать главный инженер предприятия, он сел за руль УАЗика, и мы тронулись в путь. Вихревые снежные заносы снизили до нуля видимость на трассе, и мы двигались почти вслепую, ориентируясь только по вешкам на обочине. После того, как преодолели известный на трассе Капрановский перевал, сокращённо Капран, я с облегчением закурил, а водитель включил музыку...

На АН-24 вернулся в Магадан.

Друг мой в Омсукчане прозябает,
Мы его поставим перед фактом:
Дальний свет для верности врубаем,
Мчим к нему на газике по тракту.

Надоели дебри и овраги,
Марши от подъёма до отбоя.
Мы найдём занятие на драге,
Видно, так назначено судьбою.

Будем мыть с братишкой золотишко,
Ох, и наглотаемся тумана...
И повеселимся, как мальчишки,
На ночных «проспектах» Сусумана.

Вычитал в одной серьёзной книжке:
«Не страшна в пути гора крутая».
Трудная дорога – наша фишка,
С песней доберёмся до Алтая!

Ловля краба

Во время моей службы на побережье Охотского моря, в конце августа 1983 года сослуживец пригласил меня побывать на ловле краба.

Утром в выходной день поехал к нему в посёлок Ола, расположенный в 30 километрах к востоку от Магадана, в устье реки Олы, на побережье Тауйской губы. Машину оставили на берегу, а сами на катере «Прогресс» двинулись вдоль побережья к месту рыбалки.

Прошли около 25 километров и причалили к берегу у подножия сопки. Там работала бригада краболовов, их катер был пришвартован к берегу, и мы стали рядом. Смеркалось. Развели костёр, сварили уху и расположились в палатке на ночлег. В темноте у воды на берегу впервые наблюдал морских светлячков.

Утром рыбаки поставили краболовки в 50 метрах от берега на дно моря, мы периодически на резиновой надувной лодке проверяли улов. Краболовки имели форму круга из толстой проволоки диаметром около метра с натянутой сеткой, в центре сетки были закреплены

куски рыбы. Крабы за добычей заползали на сетки, и надо было вертикально рывком вытащить краболовки из воды, чтобы крабы не уползли от приманки. Успели снять с сеток несколько крабов. Увлёкшись рыбалкой, не заметили, как на море начался шторм. Спихватились, когда наши два катера ударились бортами от набежавшей волны. Быстро собрали вещи, надели спасательные жилеты и двинулись в обратный путь.

Потемнело, небо закрыли тучи, волны захлёстывали через борт катера. Мы шли примерно в полутора километрах от берега, ближе идти было опасно из-за высоких волн. И всё же на винт мотора намотались водоросли, и двигатель заглох.

Только выдержка нашего кормчего и его мастерство спасли нас от печальных последствий: в момент, когда на нас шла высокая волна, называемая среди местных рыбаков «девятым валом», он смог повернуть катер навстречу волне, и мы с высоты трёхметровой волны рухнули вниз. Вёсла переломились, но на следующую волну катер снова пошёл носом, и это нас спасло. Пока не было повторной крутой волны, хозяин катера смог запустить двигатель, и мы благополучно причалили к берегу. В холодной воде спасательные жилеты мало помогают, при температуре плюс шесть градусов в воде долго не продержишься, а до берега было полтора километра.

Так закончилась моя первая и последняя ловля краба, и в дальнейшем я пользовался только купленными в магазине крабами.

Но получил большую порцию адреналина!

На корюшку

Из «Колымского дневника»

Вот уж никогда не был заядлым охотником или рыбаком, но служба на Брянщине и на Крайнем Севере оставила в памяти массу впечатлений от красот Нечерноземья и Дальнего Востока. Этот рассказ о зимней рыбалке на берегу залива Охотского моря.

Однажды зимой в период прохождения военной службы в Магаданской области (1983 год) мой сослуживец предложил поехать ловить корюшку в Ольский район. Мне надо было надеть шапку-ушанку, валенки, тёплые брюки, армейский полушубок и взять меховые рукавицы, эти предметы военной формы одежды выдавались всем военнослужащим, проходившим службу в районах Крайнего Севера. Рыболовные снасти были заранее приготовлены на месте рыбалки. Примечательно, что выехали мы из Магадана в Ольский район к Тауйской губе уже в сумерках, петляя по серпантинам проложенной к побережью дороги. На берегу залива, скованного льдом, нас встретил местный абориген и показал путь к его балке. Балок – это изготовленный из досок и обитый фанерой лёгкий домик на полозьях для укрытия от холода. В балке топилась печка-буржуйка, так что можно было внутри балка снять полушубок. Освещение – лампочка от аккумуляторной батареи, условия для зимней рыбалки были очень даже комфортные. Автомобиль УАЗ-469 мы оставили на берегу. Удивительно, как этого не понимают рыбаки, выезжая на автомашинах на лёд, что приводит к неприятным последствиям.

В полу балка были оставлены специальные отверстия для сверления лунок.

Ловили мы корюшку на «поролончик», и, кстати, эта рыбка хорошо клевала, балок сразу наполнился запахом свежих огурцов.

До утра успели подремать и наловить корюшки.
Домой вернулись с уловом...

Озеро Джека Лондона

*«Ох! Я на рельсы выхожу,
На страну свою гляжу,
Где ж за гранью снежных зим
Есть открытый магазин.
Омск, Томск,
Москва, Чита, Челябинск...».*

Юрий Vizбор

Моя военная служба началась в Московском военном округе в июле 1970 года, а с июня 1982 года до августа 1985 года я проходил службу в Дальневосточном военном округе на Крайнем Севере, точнее, в Магаданской области, на Колыме и Чукотке. В те годы Чукотский автономный округ был в составе Магаданской области. Мне предстояло объехать все районы Колымы и на самолёте летать в районы Чукотки (Анадырь, Билибино, Providения, Певек и другие). В районы Колымы – Ольский, Хасынский, Тенькинский, Ягоднинский и Сусуманский – я добирался (иногда не без приключений) по колымской трассе, где обрывы в десятки и сотни метров никаких ограждений не имели, а вот в Сеймчан и Омсукчан пришлось летать на АН-

24 и АН-2 из-за закрытых на трассе перевалов. Полёт в Северо-Эвенский район продолжительностью три часа закончился однажды возвращением на аэродром вылета: при подлёте к аэродрому в Эвенске поднялась снежная буря, и командир корабля принял решение возвратиться в Магадан. Такие истории на Крайнем Севере тогда случались.

Во время командировки в Ягоднинский район в октябре 1982 года мой сослуживец Пётр в выходной день предложил съездить на знаменитое озеро Джека Лондона, расположенное среди горных хребтов на высоте 800 метров над уровнем моря. Было уже холодно, но снежный покров ещё не завалил сугробами проторённые в распадках сопок маршруты к озеру, хорошо известные местным жителям. Для поездки Пётр договорился с друзьями из местной автоколонны, и мы выехали на двух машинах: УАЗике и ГАЗ-66 с закрытым отапливаемым кузовом-фургоном. Предстояло преодолеть по бездорожью многочисленные броды, спуски и подъёмы протяжённостью около 50 километров. Проехав мост через реку Дебин, остановились на ночевку, включили печку и отдыхали в кузове автомашины ГАЗ-66 до рассвета. Утром продолжили путь и к обеду оказались на берегу озера Джека Лондона. В пути мне объяснили, что название озера произошло либо из-за найденной на берегу озера геологами книги Джека Лондона «Мартин Иден», а, может, потому, что Юрий Александрович Билибин, руководитель первой геологической экспедиции на Колыму, открывшей месторождение золота, высказывал мысль назвать один из географических объектов именем писателя Джека Лондона. В 1932 году геолог П.И. Скорняков, работавший в районе одного из живописнейших озёр Северо-

Востока, дал ему имя Джека Лондона. Так или иначе, но озеро и сегодня очаровывает путешественников и туристов.

Нашему взору открылась первозданная красота природы! Озеро – настоящая жемчужина Колымы. Водная поверхность занимает площадь 14,4 кв.км. Глубина озера достигает 50 метров. Вода в озере чистойшая, берега – в зарослях лиственницы и кедрового стланика. Протокой озеро Джека Лондона соединено с другим озером Танцующих Хариусов, окружено горными хребтами Большой Аннгачак и Уаза-Ина, высшие точки хребтов – пики Абориген (2287 м.) и Снежный (2293 м.). В озере водятся хариус, сиг, чукучан. В летнее время температура воды в озере не выше +12 °С.

На острове Вера, расположенном в северной части озера, мы увидели домик метеостанции и дежурившую там женщину, которую поприветствовали звуковым сигналом.

Сварили на берегу озера на газовой плитке шурпу из оленины и под впечатлением увиденной красоты озера тронулись в обратный путь...

Зарисовка о Чукотке. Поездка в Билибино

В декабре 1983 года рейсом Магадан-Кепервеем, на самолёте АН-24, мы прилетели в Кепервеем, село на Чукотке в месте впадения реки Большой Кепервеем в реку Малый Анюй, отсюда на автомобиле поехали в посёлок Билибино, где в 1973 году была построена Билибинская АЭС. В наши дни запустили плавучую атом-

ную теплоэлектростанцию (ПАТЭС) в Певеке, сдана в эксплуатацию в 2020 году. Территория Билибинского района расположена за Северным полярным кругом. В декабре в Билибино – полярная ночь, и только в полдень на полчаса наступает время вечерних сумерек, после чего снова непроглядная темень. Температура воздуха была около минус 45 градусов. Примерно в 70 км. к югу от села Кепервеем находится вулкан Анюйский. Вулкан голоценовый, то есть извергался в последние 10 тысяч лет, сейчас он считается потухшим и относится к памятникам природы. Это была моя первая командировка на Чукотку, ранее я побывал в нескольких районах Колымы. Нас поселили в отдельном двухэтажном гостевом доме, якобы специально построенном для московских гостей. На первом этаже здания был просторный холл, обставленный мебелью, и комната для обслуживающего персонала, спальня, комнаты размещались на втором этаже.

На следующий день на транспортёре МТ-ЛБ отправились в стойбище к оленеводам, ознакомились с условиями их проживания в тундре в яранге. Передали оленеводам в качестве гостинцев сгущёнку, фрукты, старшим у них был дядя Апай. На поясе у дяди Апая висел нож в кожаном чехле с узким лезвием. Нам объяснили, что один удар этим ножом в шею оленя за рогами валит животное с ног. У входа в ярангу на снегу лежали две собачки-пастушки, которые были очень дружелюбны в отличие от московских дворняжек. В яранге олений мох-ягель у входа не был покрыт оленьими шкурами, топила печь-буржуйка, вторая половина яранги на полметра была покрыта шкурами. Тогда я впервые увидел одежду чукчей-оленеводов. На парне-оленеводе была куртка на голом теле мехом внутрь, а вторая – мехом наружу. На ногах – штаны-конагтэ и торбаса,

голову покрывал малахай, в такой одежде можно спать на снегу. Рукавицы сшиты из оленьих камусов (шкур с ноги оленя). Никаких просьб у оленеводов не было, только посетовали, что прогорает труба печки.

Из Билибино мы улетели в Анадырь...

Северное сияние

По улочкам узким позёмка кружит,
Над сопками небо сияет.
России – великой страны – рубежи
Заступник с небес осеняет.

Исчезло давление дикой дыры,
И псы на прохожих не лают.
Пугали, что это иные миры
Из космоса знак посылают.

Не верь этим сказкам фантастов, браток,
Счастливее нету мгновений.
Сияние неба как веры глоток,
И это вне всяких сомнений!

Лососёвая путина

Моя служба в Дальневосточном военном округе проходила в Магаданской области в 1982-1985 гг. прошлого века. Прибыл к месту службы в Магадан 25 июня 1982 года, и в первых числах июля один из моих сослуживцев предложил в выходной день поехать на путину – лососёвую рыбалку. Места там известные – район Тауйской губы Охотского моря в Ольском районе на реках Ола,

Яна и Армань. Сначала решили выехать на Олу, это ближе и, в отличие от Армани, не надо переправляться на другой берег Яны на пароме, чтобы попасть в район Талона и Балаганное. Меня сразу предупредил наш водитель, что на рыбалку без запасной верхней одежды и нательного белья ехать не рекомендуется.

Взяли лицензию на отлов десяти горбуш и прибыли к месту ловли. Надувная лодка была очень неустойчива: после дождей течение было достаточно стремительным. На побережье уже были многочисленные бригады рыбаков со своими сетями, но это другой вид лова. Мы же ловили рыбу на спиннинг с берега и с лодки.

Пытаясь подтянуть пойманную рыбку к борту лодки, я неудачно наклонился, и лодка перевернулась. Оказавшись в холодной воде, самостоятельно выбрался на берег. В машине снял мокрую одежду, быстро переоделся и пошёл продолжать ловлю рыбы. Всего мы поймали девять горбуш. Ход кеты в реке отстаёт на две недели от подъёма горбуши, и мы ограничились пойманной рыбой.

В августе в том же составе поехали ловить рыбу на Армань, это намного дальше. На Армани было сильное течение, в бурных потоках проплывали брёвна и коряги и в мутной воде ловить рыбу было проблематично. Пошли собирать малину. Под вечер на спиннинг поймали три кеты, каждому по хвосту. Вот и все воспоминания о летней рыбалке...

Зимой один раз выезжали ловить корюшку, для этого использовали так называемый балок – небольшой домик на полозьях, но это совсем другая рыбалка.

Чукотский евражка

В середине апреля 1984 года я находился в служебной командировке в городе Анадыре – столице Чукотки. С местным водителем мы выехали тогда на военном УАЗе в один из дальних гарнизонов, затерянных в сопках, за много километров от Анадыря. По дороге я обратил внимание на незнакомых мне маленьких рыжеватых зверьков, которые безбоязненно бегали по снегу вдоль зимней дороги. Из любопытства спросил у водителя, что это за зверьки?

– Евражка, по-чукотски – иляк.

– И что, они такие непугливые всегда?

– Да, они не боятся людей и всё едят, можем дать им солдатский сухарик – слопают!

Я удивился, услышав это. Ведь похож на обычного, степного суслика, но попробуйте-ка, увидев суслика в поле, рассмотреть его поближе – он мгновенно исчезнет. А эти – нет. И я попросил водителя рассказать мне, что он знает о евражке.

Видя, как я неотрывно рассматриваю этих маленьких забавных зверушек, водитель сообщил, что на Чукотке именно в апрельские дни, когда ещё повсюду лежит снег, евражки после долгой зимней спячки выбираются из норок и бегают вблизи своих жилищ. Встретить их можно не только на бескрайних просторах тундры, но и вблизи селений, они совершенно не боятся человека.

Свои норки они роют с многочисленными ходами, рыхлят почву, и местные жители очень любят этих резвых, пушистых зверьков.

За короткое лето евражка успевает вывести потомство и сделать запасы на зиму.

Зимой евражка впадает в норке в спячку, и она длится 8 месяцев, что соответствует местному изречению: девять месяцев зима, остальное – лето.

В природе у евражки врагов достаточно – это песцы, волки, полярные совы, но многочисленные подземные ходы помогают ему уходить от хищников.

Так в пути я узнал от водителя много нового о природе и животном мире Чукотки, и вскоре мы оказались в расположении танкового подразделения, куда я прибыл тогда впервые. Меня сразу поразило то обстоятельство, что в глубоких снежных сугробах на территории воинской части везде были проделаны траншеи на уровне башни танка, к входам всех казарм и зданий штаба пристроены лёгкие щитовые тамбуры с навесными дверьми, без которых в пургу в ночное время невозможно было бы военнослужащим быстро покинуть помещение.

После проведения всех запланированных мероприятий мы с командиром подразделения прошли в солдатскую столовую. Питание соответствовало нормам северного пайка, в буфете в продаже были фрукты, сгущёнка, сладости.

Возвращались в Анадырь вечером, при свете фар, и увидеть ещё раз евражку мне уже не удалось.

На следующий день я улетел в посёлок Провидения, откуда из-за нелётной погоды не смог сразу вернуться в Магадан. В апреле в Провидения самое большое количество дней со снегопадами. Как пошутил тогда мой начальник: «Если бы командировка была в посёлок Беринговский, мог там застрять на неделю и дольше из-за постоянной пурги». И это правда.

Вплоть до замены в Одесский военный округ я в Анадырь больше не летал и полюбившегося зверька-евражку, к сожалению, в природе уже не наблюдал.

Ледовая переправа

В конце апреля 1984 года мы с сослуживцами находились в служебной командировке на Чукотке – в городе Анадыре. Как известно, Анадырь расположен на правой стороне Анадырского лимана, а аэропорт – на левой, в посёлке Угольные Копи. Ширина лимана в местах ледовой переправы, функционирующей в зимнее время, составляет около пяти километров. Лёд появляется в середине октября, но до конца ноября он неустойчив, поэтому переправа обычно открывалась в январе. Очищение от льда происходило в конце мая – начале июня. Глубина лимана около 40 метров.

Из аэропорта в Анадырь к месту дислокации воинской части мы легко добрались на военном автомобиле УАЗ-469, проживали в местной гостинице «Чукотка». Во время командировки солнце в полярный день быстро растопило лёд на переправе, толщина которого в зимнее время достигала одного метра, и в условиях резко меняющихся температур выезд на лёд, покрытый водой, стал особенно опасен. На переправе появились трещины, провалы, и вода вышла из-под льда по всей поверхности переправы. Ориентироваться можно было только по торчащим из воды вешкам. Медлить стало нельзя: если не переправиться на другую сторону лимана, то только вертолёт мог доставить нас в аэропорт, а это совсем другой вид транспорта и в авиации всегда летают по московскому времени, тогда как местное время в Анадыре на 9 часов отличалось от времени в Москве.

Быстро собрав вещи и выписавшись из гостиницы, мы на том же автомобиле и с тем же местным водителем приехали на берег Анадырского лимана. Шлаг-

баум, установленный на въезде на переправу, был ещё открыт, но дежурный по переправе убедительно попросил водителя не рисковать и остаться на берегу.

– Рискнём, – сказал нам водитель, человек гражданский, и мы тронулись в путь.

Через приоткрытую дверь машины я видел, что вода иногда доходила до нижнего края днища. Непередаваемое впечатление! Нам повезло: за всё время движения на другой берег, а ехали мы очень медленно, машина ни разу не попала колёсами в провал, и мы благополучно добрались до аэропорта. Там мы приказали водителю автомобиля подождать в гостинице аэропорта, пока начнёт работать баржа, а сами улетели в Магадан.

Это была моя последняя командировка на Чукотку, хотя поездки в города и посёлки Колымы продолжались ещё год до замены в Одесский военный округ.

Привычный маршрут

В условиях Крайнего Севера командирские занятия и учебно-сборные мероприятия с офицерами запаса, проживающими на бескрайних дальневосточных просторах, организовывать и проводить было архисложно: как говорится, девять месяцев зима, остальные – лето.

Оборудованные войсковые стрельбища в районах Колымы и Чукотки по пальцам перечесть можно, поэтому командованием Дальневосточного военного округа было принято решение проводить сборы офицеров запаса на войсковых полигонах Дальнего Востока в период учений, как плановых, так и внезапных, куда доставлять их самолётами.

В 1984 году такой приказ в Магаданскую область поступил в феврале. На Колыме это период пурги и лютых морозов. Оповестить и собрать на сборный пункт офицеров в назначенное время было несложно – бомжей среди нашего контингента не было, люди имели постоянные места проживания и работы, все с высшим или средне-специальным образованием. А дальше действовали, исходя из количества призываемых на сборы офицеров запаса, военно-учётных специальностей и сроков прибытия в пункт назначения.

Сразу после получения сигнала о призыве на сборы в Магаданском аэропорту был зафрахтован самолёт. Чтобы не создавалась неразбериха, прибывающих офицеров разбивали на отдельные команды, состоящие из мотострелков, артиллеристов, танкистов, связистов и т.д. Некоторые из них уже пропустили по маленькой для сутреву ещё до прибытия в аэропорт, а кто-то взял с собой заветную бутылочку в дорогу. У всех было приподнятое настроение: одни предвкушали снова окунуться в армейский быт: построения, марши, стрельбы, оценка результатов. Другим просто хотелось на время отойти от бытовых проблем. А уж перелётами на «северах» никого не удивишь: Магадан-Хабаровск – привычный маршрут...

...До вылета оставалось не более часа. Офицеры запаса, призванные на сборы, спецконтроль прошли без особых приключений: весь виноводочный запас у пассажиров был изъят, и началась посадка в самолёт ТУ-154, вылетающий рейсом Магадан-Хабаровск.

Двухчасовой перелёт запомнился, как короткое мгновение, и мы в Хабаровске. Город встретил нас пронизывающим ледяным ветром, отчего двадцатиградусный мороз показался колымским, тридцатиградусным. Быстро добрались на выделенных автобусах на

железнодорожный вокзал, разместились в плацкартном вагоне, и в путь, до станции Биробиджан. На конечную станцию прибыли часов в семь утра и без раскочки на вездеходах выехали в район учений.

До нашего прибытия палатки на полигоне уже были утеплены лапником, обвалованы снегом, внутри горели печки-буржуйки. Это постарались отцы-командиры воинской части, куда мы прибыли для пополнения и боевого слаживания. Обмундирование офицерам выдали по сезону: армейские полушубки, валенки, меховые шапки-ушанки и полевую форму. Оружие и боеприпасы получили на пункте боепитания.

Учения продолжались пять дней. За это время ни одного несчастного случая не произошло; не было даже лёгких обморожений, что вполне допустимо в условиях зимы...

На обратном пути пели песню романтиков Севера «Колымский маршрут» на слова Михаила Анисимова

Мы с другом катим в Сусуман,
Я не цитирую роман,
Я говорю не о ГУЛАГе.
Приятель – старый мариман,
Решил набить себе карман
В тайге, на драге.

Хоть друг – романтик и аскет,
И заслужил свой партбилет,
А жил без фарту.
Нажил диагнозов букет,
Но не свалился в лазарет –
Судьбу на карту!

Стемнело. Движемся вперёд,
То не беда, что гололёд,
Зато нет смога.
И снова другу не везёт –
Карданный вал по днищу бьёт,
Нужна подмога.

Не торопись, дружок, в кресты,
Навстречу МАЗ везёт «хвосты»,
Спасай артельщиков, новатор!
У восемнадцатой версты
Золотоносные пласты
Вскрывает мощный экскаватор.

Оно и вправду тесен мир,
У нас один ориентир –
Дерзай, коль молод!
Пьём кофе – жизни эликсир,
В кабине временный трактир
И зимний холод...

...Прошли последний перевал,
Держи уверенней штурвал,
Беде – отсрочка!
Коль не накрыл девятый вал,
Не перекрыл маршрут завал,
То надо выстоять. И точка!

1984 год, г. Магадан

Идти навстречу друг другу

Случилось это зимой, на трассе Колыма, в 1984 году. Мы выехали из посёлка Ягодное в город Сусуман на автомобиле «Волга» ГАЗ-24. Автомобиль этот не для поездок в зимнее время по северным трассам, но так вышло. Поднялись на последний перевал, до Сусумана оставалось несколько километров пути. И вдруг на перевале мотор заглох. Мы вышли из машины, сгрудились возле поднятого капота, пытаюсь хоть чем-то помочь водителю, человеку не военному, гражданскому.

– Нужен трос, если не стацат с перевала, замёрзнем, – огорчённо выдавил из себя шофёр.

На перевале пронизывающий ледяной ветер быстро охладил двигатель до минусовой температуры. Рации нет, темнота и никаких перспектив. Внезапно возник свет фар встречной автомашины. Подъехала гружёная Татра, водитель сразу пригласил нас в кабину, подал термос с горячим кофе, а сам пошёл помогать нашему шофёру. Но двигатель не запускался. Тогда незнакомый шофёр быстро развернул Татру, водители подцепили трос к «Волге», и мы благополучно съехали с перевала, где нас на въезде в Сусуман уже ожидал на УАЗике обеспокоенный задержкой начальник гарнизона. Поблагодарив водителя Татры, я спросил, не нарушили ли мы его планы?

– Нет, так у нас на «северах» заведено – сам могу попасть в аналогичную ситуацию, – ответил мне незнакомый водитель.

Я пожелал ему счастливого пути, и больше мы никогда не встречались.

Прошло 10 лет. Возвращаясь в 1994 году из Украи-

ны домой, в Россию, поздним октябрьским вечером на трассе Белгород-Чернянка у меня в автомобиле «Жигули» кончилось топливо в бензобаке. До райцентра – 10 километров, вблизи лес и тишина. Выставил на дорогу рядом с автомобилем пустую канистру, поставил аварийный знак, жду помощи. Бензин тогда был на заправках редко, потому и попал в неприятную ситуацию. Стемнело окончательно. Редкие попутные машины, завидев меня с поднятой рукой, резко увеличивали скорость. Время было такое. Чтобы не замёрзнуть, надел армейский бушлат и простоял у машины до пяти часов утра. И вдруг встречный «Москвич», проехав мимо меня метров на 100, остановился и задним ходом подъехал ко мне. Узнав причину моей остановки, водитель «Москвича» откачал мне из своего бака четыре литра бензина, и, не взяв за бензин денег, пожелал мне счастливого пути...

СТИХОТВОРЕНИЯ

Я буду петь о Родине моей

Я буду петь о Родине моей
В суровый час и в памятные даты,
О подвигах отважных сыновей,
О наших достижениях и утратах.

Чтоб друг в беде подставил мне плечо,
Для добрых дел нашёлся запевала,
Чтоб была жизнь живительным ключом
И никогда душа не горевала.

Летели на фронт эшелоны...

Детям войны посвящается

Летели на фронт эшелоны,
Кипела работа в тылу.
Мальцы штамповали патроны
И в щебень дробили скалу.

Свалилась на хрупкие плечи
Гора непосильных забот –
Терпели и боль, и увечья,
И муки военных невзгод.

Дымились фабричные трубы,
Вставали мальцы по гудку.
И накрепко стиснуты зубы,
И руки присохли к станку.

И вот повзрослевший подросток
На фронт едет вслед за отцом.
И где-то под городом Росток
Сражён был горячим свинцом...

Страницу в историю нашу
Вписали Отчизны сыны.
Пусть помнят Алёши и Саши
Отважных героев войны...

Халхин-Гол

*Моему отцу, капитану Красной Армии
К.С. Анисимову, и его боевым друзьям*

По грудь зарылись в сопки самураи,
Сигнал атаки ждал ударный батальон.
Бойцы держались стойко у окраин,
Никто не вкладывал свой адрес в медальон.

К реке нельзя прорваться незаметно.
Готовь, пушкарь, бризантную картечь!
Там, у японцев, силы столь несметные,
Что, видимо, костями придётся лечь.

Удар по целям. Взрывы. Рёв моторов.
За вами слово, славные бойцы!
Но в рукопашной не до разговоров –
В штыки пошли на самураев удалцы.

Они не дрогнули в боях на тех высотах
И не сломались в битвах в чистом поле.
Остались имена в военных сводках,
Кто принял первый бой на Халхин-Голе.

Солдатская вдова

Над пожелтелыми листками
Склонилась горестно вдова.
Платочком простеньким, миткальным
Её покрыта голова.

Письмо от мужа, похоронку
Читала, кажется, сто раз.
И будто строчкам тем вдогонку
Слезинки капают из глаз.

Попричитав о друге милом,
Сложила письма за киот
И молча спину распрямила,
Гордясь, что муж был патриот.

А дети хором звали папку,
Что ей ответить шалунам?
Схватила мать детей в охапку:
«Он не вернётся с фронта к нам...».

Свеча в подсвечнике дымила,
Уже смеркалось за окном,
И сердце матери так ныло,
Что жизнь казалась тяжким сном...

Душою мать не очерствела,
Ребят взрастила без отца.
Она лет в двадцать овдовела,
Хранила ж верность до конца.

Прерванная поступь

*О, стонать русской земле, вспоминая
первые времена и первых князей!*

«Слово о полку Игореве»

Часть I. ВЗДЫБЛЕННАЯ РОССИЯ

Не монолог исповедальный
В основе повести моей –
О том, как люд многострадальный
Лишился Родины своей.

На баррикадах Красной Пресни
Поднял оружие народ.
Мы долго после пели песни
Про судьбоносный поворот.

«Из искры пламя возгорится», –
Запыхал пожар войны.
Долой господ, как говорится,
Ряды партийные стройны.

В час величайших потрясений
Не стало царского венца.
И трижды прав учитель-гений –
У нас достаточно свинца.

Тому немало подтверждений,
Как Русь слезами залилась.
Прошла террор и униженья,
И кровь рекою пролилась.

...Витал Молох над полем брани,
Пленённых к стенке – пуля вжик!
Христианин ли, мусульманин –
Тот и другой был наш мужик.

Пошли в атаку брат на брата,
С отцом рубились сыновья.
Невосполнимые утраты
Несла российская земля.

Кто победил – рассудит время.
Но камни надо собирать.
Не может ведь раздоров семя
Детей и внуков пожирать.

...Опять хлеба заколосились.
Задули домну мастера.
Страной Советов мы гордились,
Гремело дружное «Ура»!

Рвались в высокие широты,
Кумиром стал отважный ас.
В полёт отправились пилоты
Крепить единство групп и рас.

Но разрасталась сеть ГУЛАГа –
Кругом мерещились враги.
И перед смертью бедолаги
Кричали: «Сталин, помоги!..».

Не залечили эти раны –
Внезапно грянула война.
Седые наши ветераны
Хлебнули горюшка сполна.

...«Настал мой час», – подумал взводный
И поборол животный страх.
Рекой разлился гнев народный,
И дрогнул ненавистный враг.

Четыре года жизнь в окопах,
Ожесточённые бои.
Шли в рост защитники на дзоты
И клали головы свои.

Земля горела под ногами,
Сломали недругу хребет.
Далась победа над врагами
Ценой огромных трат и бед.

...Мы в монолит сегодня слиты,
И поколения мужей
Стеною встанут на защиту
Священных наших рубежей!

Часть II. РАЗВИТОЙ СОЦИАЛИЗМ

О прошлом нынче много пишут,
Хоть стало меньше простаков,
Но прегрешенья всё же спишут
На счёт ушедших стариков.

...Послевоенная разруха
Коснулась сёл и деревень.
И помнит древняя старуха
Про горсть муки на чёрный день.

Лишенья, беды и невзгоды –
У всех была одна судьба.

В неурожайные те годы
Изнемогала голытьба.

В сельмаг гружёные телеги
Возили пайщикам хлеб-соль.
И до сих пор, друзья-коллеги,
В душе испытываю боль.

У инвалидов сплошь культяпки,
И деревяшки вместо ног.
А на гармонике-трёхрядке
Играл войны минувшей бог...

Фронтовики держали марку –
Работали за семерых.
Пошли усилия насмарку,
Бывало, ели даже жмых.

В колхозе за нос нас водили –
Ломали горб за семена.
За килограмм зерна судили...
Такие были времена.

Досталось крепким и убогим...
Пришлось судьбину испытать.
Мы сами выбрали дорогу.
Как возмущаться и роптать?

Кормить бесплатно обещали
Обедом праздничным в судках.
А несогласных укрощали
На Колыме и Соловках.

Но ликовали всенародно!
Сегодня это не понять.

Считалось делом благородным
Американцев догонять!

Мы славу вовсе не стяжали.
Ушли в работу с головой.
К чему библейские скрижали –
Маршрут укажет рулевой!

И родила страна героев,
На первом плане – норматив!
И хоть влачили жизнь изгоев,
Вперёд летел локомотив.

Не вылезали из бушлатов,
Привычным стал такой покррой.
А криминальный метод блата
Насквозь пронизывал соцстрой.

Вконец изматывала гонка,
Сошёл наш поезд под откос.
Дельцы монетой своей звонкой
Ребром поставили вопрос.

О чём судачили на кухнях,
Не доходило до вельмож.
И в одночасье символ рухнул,
Вонзили в сердце острый нож.

...Мы шли своей, друзья, дорогой.
Всё было: голод и стрельба...
Беда осталась за порогом –
Такая выпала судьба...

Ратное поле

Пашим в Курской битве посвящается

В небе ясен и чист горизонт,
Годы лиха ушли безвозвратно,
А в войну проходил у нас фронт,
Стало поле российское ратным.

...Танки немцев рвались на восток,
Развернулось сражение под Курском.
Пехотинцу воды бы глоток,
Запеклась в ране кровь алым сгустком.

Не укрыться в бою за бронёй –
Били пушки, свистели осколки.
А вдовицы из сёл с ребятнёй
Рыли брустверы вдоль Соколовки.

Шли в атаку полки на врага,
В рукопашной сходилась пехота.
И горели от взрывов стога,
И дымился кожух пулемёта...

Это мне рассказал старожил,
Командиром он был в отделеенье.
Он на фронте связистом служил,
Когда шли батальоны в сражение.

Мы их подвиг прославим в веках!
Память чтит человек современный.
И несут дети розы в венках
К обелискам солдат убиенных...

Затерялась тропинка

Затерялась тропинка,
И вокруг ни души.
Я, как в поле былинка, —
В перевозданной глуши.

Ветер бросил на щёки
Две слезинки дождя.
Предскажите, пророки,
Что кукушки твердят.

Я надежду питаю
Пересилить недуг.
В облаках не витаю,
Так случилось не вдруг.

В холода и в метели
Жизнь в глуши коротал.
Годы мимо летели,
Я минуты считал.

Мне с лихвой доставало
В этой жизни всего.
Сколько раз покрывало
Рвал с лица своего...

Затерялась тропинка,
Как мне выход найти?
Не нужна мне заминка
В середине пути...

Путеводная звезда

Ты чем озадачен, братишка?
Что зря грыз науки гранит?
И вместо хоромин – домишко?
Так бог нас на свете хранит!

Другие прошли мы дороги
И выбрали главную цель.
Нас школьные звали пороги,
Нам дух поднимала метель.

И жизнь не была сиротливой
В пальтишках на вырост, до пят.
Мы детство считали счастливым,
Старались – аж перья скрипят!

Бывало, что нет реактивов
И стёрлась от мела доска.
Под окнами плакала ива,
В карманах нет хлеба куска.

И в лёд превращались чернила –
В печи не хватало огня.
Техничка пораньше звонила –
Она ведь кому-то родня.

Мы были с тобой непоседы,
Романтика в путь позвала.
О дружбе вели мы беседы,
Звезда нас по жизни вела.

Нам выпала трудная доля,
Но верили в радостный день.
Влечёт нас по-прежнему поле,
Волнует дымок деревень.

Вещей бесполезных и броских
Не нажил крестьянин-мужик.
Зато зеленеют берёзки
И радуется лебедя клик...

Послевоенное поколение

Теперь уж мы не желторотые птенцы,
Какими были в бытность становления,
Когда горланили мотив про бубенцы,
Не одолевши камень преткновения.

Мы, босоногие, всегда спешили в лес,
А подросли и побежали в школу...
Любили слушать джаз и полонез,
По вечерам крутили радиолу.

Любой подросток и чумазый мальчуган –
Все, как один, хотели стать солдатами.
И многие прошли через Афган.
И мы гордимся этими ребятами.

Жизнь разбросала бывших пацанов
От Бреста до Магадана.
И не носили они джинсовых штанов
На разработках медных руд и колчедана.

На книжку денег не мечтали они класть
И не клялись на БАМе лечь на рельсы.
Они трудом своим поддерживали власть –
И технократы, и народные умельцы.

Одни искали счастье в городах,
Другие жили в сёлах и станицах.
Гудел для многих ветер в проводах,
Но недовольных были единицы.

Так что случилось с нами и страной?
Такою оплеуху нам вlepили!
Неужто ветер помешал нам ледяной,
Иль сами мы на грабли наступили?

От трудностей не спрятаться нам в тень,
Но и стучать негоже нам по шпалам.
Собратсья бы в один прекрасный день
И перекрыть дорогу прилипалам.

И напоследок хочется сказать –
Мне в память врезались слова военрука:
«Учитесь смолоду бороться и дерзать,
Была бы воля да твёрдая рука».

А ветер всё сильней гудит в трубе
И крутит под окошком пыль и листья.
И на душе незаживающий рубец,
Когда последние штрихи наносишь кистью.

Чукотские мотивы

Мне не снился экстрим по ночам,
Лишь природа весною шептала.
Но махнул я на север к бичам, –
Видно, бед и проблем не хватало.

На песочке вчера загорал,
Только остров туман вдруг окутал.
И напрасно глаза протирал –
С облаками я снег перепутал.

Под ногами кругом мерзлота,
И воробушек здесь не чирикал.
Лишь вдогонку судам у порта
Флюгер жалобно что-то пиликал.

Сунул в правый карман амулет,
В сумку фото с друзьями у драги.
Если б выдали волчий билет,
То таскал бы стволы и коряги...

...Жгучий иней до самых бровей,
Жмёт мороз по тайге до Усть-Кута.
И заснеженный порт Кепервейм
Оказался в начале маршрута.

В дикой тундре – громада АЭС,
Всё сработано чётко, по плану.
Век двадцатый, отсюда прогресс,
Повезло же, однако, Ивану!

Пить не стали мы на брудершафт –
Тут другой этикет уважают.
Под крылом необжитый ландшафт,
На хребты самолёт не сажают.

Над горою – наклон и вираж,
И крылом чуть скалы не касаясь,
Мастерство проявил экипаж,
На застывший бетон приземляясь.

Рейс обратный неделю прождёшь,
Край земли ощутишь своей кожей.
В зимний вечер веселье, галдёж,
Как калика, мой друг, переходжий...

Здесь не меркнут в ночи небеса,
Облака необычной окраски,
И умелец нам клык расписал
Зарисовкой этнической сказки.

Мест таких на земле не сыскать,
Оживают весной даже скалы.
Отчего ж навалилась тоска,
Когда вдруг зазвенели бокалы?..

...Не возьмёт нас судьба под уздцы,
Мир скитам и крестьянским лачугам!
Оставайтесь, друзья-удальцы,
А я в край, где раздолье пичугам...

Не забыть мне морских берегов,
След за драгою в грунте петлями.
И сверкание вечных снегов
Мне дороже всех пляжей Майами.

Я горжусь моей дивной страной,
Помню даль и красоты Чукотки.
Если есть под луной рай земной,
Пусть заходят туда наши лодки!

Чукотка

Наступил долгожданный день,
Завершилась полярная ночь.
Распахнул на груди чекмень,
На Чукотку махнуть не прочь.

Что мне быт и домашний уют,
Если манят меня снега.
Пусть другим канарейки поют,
Мне б оленей шестом стегать!

Надоело давить тут мух
И от скуки по-волчьи выть.
Нахлобучить песцовый треух
И умчаться на Север жить.

Эх, седая моя борода,
Как магнит – серебро снегов!
Там в озёрах живая вода,
Но кисельных нет берегов...

В суровый час

В суровый час уже нельзя молчать,
Я говорю о Третьем поле ратном,
Где не погаснет Памяти свеча,
О тех, пред кем в долгу мы неоплатном.

На поле брани нет давно рапир,
Разрывы мин закладывают уши.
И в нашем граде натовский «Вампир»
На части рвёт израненные души.

И вновь кресты на башенной броне,
Они ползут поближе к русским хатам.
И клич: «В ружьё!» – пронёсся по стране,
И не сломить им русского солдата!

Под Славянском бои

Под Славянском с весны не стихают бои,
Бьют мортиры с горы Карачун.
И бегут от войны, взяв пожитки свои,
Бабка с внучкой и дедка Молчун.

Домик их в один миг «Градом» в щебень разбит,
У семьи ни кола ни двора...
Но народ неспроста верность долгу хранит –
Чтоб жила без войны детвора.

На Херсонщине жил и в Макеевке был,
И тоскую, друзья, по Днепру.
И Одессу в огне я ещё не забыл,
И из памяти, нет, не сотру...

Полыхают зарницы

Просёлок заброшен, большак перепахан,
Нет в захолустье асфальтных дорог.
Не просыхает от пота рубаха,
Хоть бы заступник нам в чём-то помог.

Не сходят с экрана вальяжные лица,
Пугают масштабы хищений и мзды.
Может, кому-то воздастся сторицей
За нищих старух, что сидят без еды...

Им, беззащитным, больным и убогим,
Трудно терпеть неприкрытый обман.
Это они обивают пороги,
А ловкачи набивают карман.

...Вымерший хутор, за садом – криница,
Вода от дождей подступила к базам.
Встал на колени старик пред божницей,
Чтоб со свечою дать волю слезам.

В небе опять полыхают зарницы,
Будто предвестие страшной беды.
Вижу вдали журавлей вереницу...
Как же нам выйти из бед и нужды?

Меня не позовут на пир и бал

Меня не позовут на пир и бал.
Что делать там без фрака и отличий?
По меркам свыше получу я низший балл,
Когда дойду до фактов и приличий.

А где та грань и чёткий интервал?
Как помирить нужду и изобилие?
Одним – бокал чтоб никогда не пустовал,
Ну а другим – чтоб по мозгам не били.

Мы снова слышим возгласы льстецов,
От них за деньги – речи о величии.
Им почести, им шкуры подавай песцов,
А потому возносят они спичи.

Не верьте им, когда кричат: «Народ!».
Им слово это вроде заклинания.
Когда забот и дел невпроворот,
Нам не понять их мелкого желания.

Уж ни к чему эзопов мне язык
И не нужны подачки и объедки.
Я не боюсь услышать властный зык,
Когда кричу про ложь, сжигая клетки.

И что меж кланов – свара и грызня –
Кому отрезать мякиш с той горбушки,
Что выбросят, как льготу, всех дразня:
«Хлопочем», мол, даём мослы с пирушки.

Всем издавна известно на Руси –
Уж очень любит власть покрасоваться!
«Пора уж языки вам прикусить,
Да и в офшоры незачем соваться...».

.....

Уж скоро выборы. Программы и платформы
На избирателей накатятся волной.
От них опять останутся лишь формы,
А содержание забудут к посевной.

Настали времена

Настал момент взнудать коней:
Конфликты, распри, взрывы, войны.
И снова мы меж двух огней –
Нас бьют снарядом бронебойным...

На землю предков с давних пор
Ползли чужие колесницы.
И надо дать врагам отпор
И отстоять свои границы.

Учись, солдат, сжимать цевьё,
Рука в бою чтоб не дрожала,
Чтоб не слеталось вороньё,
Чтоб вражья рать не угрожала.

Давно настали времена
Остановить волну террора,
Как встарь, вдеть ноги в стремя
И вырвать с корнем семена раздора!

Я потерял не деньги – нечто большее...

Я потерял не деньги – нечто большее,
Замаринованным томился много лет.
И этот груз висит петлёй на шее
И сковывает, как бронезилет.

И на душе – осадок этой мути,
И гложат мысли о потерянных годах,
И не понять, и не дойти до сути –
Чему ж учили нас «великие» в трудах?

И вдосталь наглотавшись книжной пыли,
Я сделал вывод, в общем-то, простой:
Кому-то деньги сами в руки плыли,
Напали жилу – самородок золотой!

У них конёк – выдумывать программы
И рассуждать с учёным видом знатока.
Я обойдусь без колкой эпиграммы:
Цена таким – не больше пятака.

А мы довольствуемся жалкими грошами,
Одно и то же надоело уж гудеть.
Пора сравнить с церковными мышами –
Привыкли в норах бедными сидеть.

Как пережить период потрясений,
И что ещё тебе назначено судьбой?
Не посоветует ли «новый русский» гений:
«Будь хитрым, оставайся с голытьбой!»

На Рублёвке я не жил...

На Рублёвке я не жил,
С фирмачами не дружил,
За границей не имел яхт и дач.
Позолотою тельца
Не заманят удальца
И по пятницам не жду передач.

«Всё меняется, старик!» –
Услыхал я чей-то крик.
Однокашник в ранний час разбудил.
«Нос не кажем из норы,
Обнищали все дворы,
Где тот барин, он бы нас рассудил?..»

Вся Сибирь опять в дыму,
Нам размолвки ни к чему,
И без этого гора важных дел.
Устремления просты:
Строить башни и мосты
И заканчивать пора беспредел!

«Причёсанные фразы»

Читать законы и указы
Не все желанием горят.
Зато «причёсанные фразы»
С трибуны часто говорят.

В глаза кто режет правду-матку,
Тот диссидент и ренегат.
А кто не лезет сдуру в схватку,
Тот и обласкан, и богат.

Нас в захолустье бездорожном
Всех уравнивать в правах хотят.
Но на душе опять тревожно –
Не отберут, так запретят.

Идём сегодня снова в ногу,
На марше – мирный караван.
На ту ли вышли мы дорогу?
Не ошибись, смотри, Иван.

Отчизне раз ведь присягают,
Ты клятву верности храни.
Хоть неизвестность и пугает,
Достоинство не урони.

Беда случится у порога,
То сам, конечно, не плошай.
Коль трудной выпала дорога,
Правдивым словом утешай...

Пусть хоть свод небесный рухнет...

Пусть хоть свод небесный рухнет –
Был бы слышен звон монет.
Разговор ведём на кухне:
Правда это или нет?

Наливаем кипяточку –
Вот где слава и почёт...
Рановато ставить точку,
У меня другой подсчёт.

Не горюй, моя старушка,
Глянь, чреда крутых карет.
Там у барина пирушка –
Обмывает кабинет.

У селянина от силы
Наберётся горсть монет.
А у бравого кутилы
Миллиарды в портмоне.

И народ вокруг «солидный» –
Зазывалы, торгаши.
Только мне до слёз обидно –
Сад погибнет от парши.

Обещали прошлым летом
Тишину и благодать.
Как разведать у клеветов,
Где, кому и сколько дать?

Рассказал бы я полпреду,
Кто у нас тут первый тать.

Но сначала к логопеду,
Чтоб заикою не стать!

Я ж без знатной родословной,
Бедный дед один в роду.
Только пульс пока что ровный
И с природою в ладу.

Мне знакома вся округа,
Выручает конь-седан.
А пойдёт судьба по кругу –
Можно снова в Магадан!

Хоть работаю со словом,
Речь цветистая – мура.
А у нас и пустослова
Принимали на ура!

Кризис вдарил по карману,
На пройдохе нет лица.
Как заморскому гурману
Без икорки и тунца?

Нам же хрен дороже пиццы
И текилой упились.
Эх, страна цветного ситца,
Не печалься – веселись!

...Если что сказал нескладно,
Извините, господа.
Вам виднее из парадной,
Все доклады – сплошь вода...

Предвыборный пиар

*Русским Богом русская земля стоит.
Русская пословица*

Товарищ мой, пенсионер в летах,
Который год в районе правду ищет,
Мол, у одних «милльоны» на счетах,
А у других в карманах ветер свищет.

Стою горой за друга своего!
Не для господ мы с ним растили смену.
Хоть нам уже не надо ничего,
Надежда есть – наступят перемены.

Сидим и ждём серьёзных перемен,
За нас теперь решают депутаты,
Один из них – успешный бизнесмен –
О равенстве шумит в теледебатах.

Когда слышали: «Тут нечего юлить!» –
Дыханье от щедрот перехватило.
«Пора уже всю прибыль поделить!» –
Подумали, маленько подфартило!

Устами вашими да пить бы мёд!
Да кто откажется сегодня от навару?
Хоть видит око, да зуб неймёт...
Глотайте, граждане, сентенции пиара!

Окрылённые свободой

Строчат ловкачи мемуары,
Лелеют и холят внучат,
Богатыми вышли из свары,
Взялись молодых поучать.

Когда-то и нам обещали
Тряхнуть полновесной мошной.
Головушки только трещали,
Плужок где достать пропашной.

Поникли знамёна марксизма,
Но клич ещё в памяти свеж.
Развеялся миф коммунизма,
Без боя пал главный рубеж.

Народ терпелив от природы,
Столетия били челом.
Когда же вкусили свободы,
Событий согнул перелом.

Осушим слезу умиления,
Заманчива светлая даль.
Набраться бы только терпенья
Глотать этот горький миндаль...

Перестроились...

Не греют душу юбилеи –
Который год возводим дом,
Лакеи шастают в ливреях,
Но в счастье верится с трудом.

Певцы, народные трибуны
Поднять не в силах вольный дух.
Мы все натянута, как струны,
Нас не заманят под обух.

Откуда «ротшильды» явились?
И как смогли прибрать к рукам
Всё то, за что так долго бились
И что досталось на века?

Уже слагаются речёвки,
Идёт брожение умов:
Одним – прогнившие «хрущёвки»,
Другим – громады теремов...

Когда наступит отрезвление,
Народ «героев» назовёт.
Страна, увидев разграбление,
Нужду и хворь переживёт.

Мысли вслух

Какой сын земли деревенский
Не сеял и рожь не косил?
И спрашивал не по-джентельменски:
«Как дальше нам жить на Руси?»

С мечтою заветной простились,
Ослабли правленья бразды.
Чего же мы с вами добились?
Глубокой межи-борозды.

Вокруг громоздятся палаты
И замки холёных чинуш.
Мздоимство, обман и растраты,
Успеть бы сорвать им свой куш.

А как это всё начиналось?
Тенями застойных времён.
Компания «лиц» подобралась –
И был наш народ разорён.

Теперь нам заморские виллы
С высоких трибун посулят.
Стяжательства эти бациллы –
Смертельный для нации яд.

...Опять поднялась суматоха,
Переполох в терему.
И если тут нету подвоха,
Тогда уже быть по сему...

Когда была разрушена страна...

Когда была разрушена страна,
Не думали о Крыме и Херсоне.
Неужто всё решили с бодуна,
И не нашлось спасения в законе...

Но разве наш народ тому виной?
Пословица гласит: «Закон – что дышло...».
Нельзя такое делать со страной,
И нет виновных – так, мол, сударь, вышло.

«Ты кто такой?» – спросил хамелеон
И показал огромную дубину.
Да нас таких не сотню – миллион –
Однажды бросил барин на чужбине...

...Нависла вновь над Родиной беда,
Сошлись с врагами мы на поле брани.
От них, как встарь, не будет и следа...
И впредь не лезь, ямщик, в чужие сани.

Острые углы

Никак не избежать углов нам острых.
Как сохранить достоинство и честь?
Была весна, начало девяностых,
И расцвели двуличие и лезть.

Не стал молчать старейший слесарь «ЗИЛа»,
Шахтёры тоже вышли на проспект.
А им в ответ бесчувственность сквозила,
Но Запад слал чиновникам респект.

Тогда и я, забытый всеми ратник,
Искал свою тропу-ориентир,
Но мой до дыр зачитанный цитатник
Сожгли попутчики – Емеля и Сатир...

...Кому-то петь, плясать и веселиться,
А я тропинкой выбранной бреду.
В лихое время впору надломиться,
Мне ж не написано такое на роду!

Мы никогда в героях не ходили...

Мы никогда в героях не ходили,
Но жили так, чтоб краше стала Русь;
Чтобы потомки нас не осудили,
Мы заповеди знали наизусть.

Теперь в ходу совсем иные фразы:
«Проворовался», знать, «попутал бес»...
А между тем гружёные «КАМАЗы»
Вывозят за границу русский лес...

И мы, в труде растратив свои силы,
Как искры угасая на лету,
Не верим, что мошенники-кутилы
Приблизят нашу светлую мечту.

Когда вокруг царит неразбериха,
Была охота попадать в силки!
И, осознав, почём у нас фунт лиха,
Держитесь, дорогие старики!

Дождёмся ли мы лучшей доли?

*Не до жиру, быть бы живу.
Русская пословица*

Народ всегда ждал лучшей доли:
Сто лет назад и в наши дни.
Нажил кровавые мозоли
И спину гнул за трудодни.

А жизнь – забавные качели,
Опять пришёл черёд господ.
Бесплатный сыр вкушать хотели
Да ухватили горький плод!

Перекосило рот и скулы,
Рука тяжёлая зудит.
Жиреют алчные акулы,
А уж чинуш – хоть пруд пруди.

Не разучились петь осанну,
Оратор – клоун для реприз.
Восторг царит неописанный –
За красноречие первый приз!

Ах, доля странная такая –
То веселишься, то скулишь.
Удачу ждёшь, глаз не смыкая,
Себе лукавишь, брат, шалишь!

Не сотвори себе кумира

Я не объехал с экспедицией полмира,
Но на Руси немало повидал.
Когда Москва нашла себе кумира,
То от щедрот чуток не зарыдал...

Нас ублажали сладкими речами
И планами – не сдюжить бугаю.
Кто ближе – одарили калачами,
А гражданам – обилие в раю!

Попали в непростые передряги –
Такое не приснится и во сне.
Нахлынули проныры и варяги –
Душой не отогреться по весне...

Теперь сижу, штудирую Шекспира,
Хоть и ушёл давно он в мир иной.
А вот от тех, кто сотворил кумира,
Отгородился бы китайскою стеной...

Мой выбор

Забавней не было мотива
Свистеть, засунув пальцы в рот.
Была ли в жизни перспектива
У несмышлёнышей-сирот?

В деревне маленькая хатка,
До школы – три версты пути.
Одежда старая, в заплатках,
И не терпелось подрасти.

Истопят к ночи в хате печку,
Горит зажжённая свеча.
Сосёт ягнёнок мать-овечку,
Желудком тощеньким урча.

Всю ночь овчиной грели спину,
Скулил под дверью пёс Дружок,
И пол, покрытый жёлтой глиной,
Слегка припудривал снежок.

Сказать бы – хуже не бывает:
То нищета, то недород,
То председатель зло срывает,
Он знал, как брать нас в оборот.

Зимою – сани, летом – дроги,
И все напасти в гости к нам.
Не поморозить только б ноги –
Мечталось сельским пацанам.

Но мы топтали свои стёжки,
Сказать уместно в двух строках.

И в праздник Вербное серёжки
Сжимали бережно в руках.

Зачем всё это вспоминаю?
Пора давно про то забыть.
Да потому, что твёрдо знаю:
Умели сами хлеб добыть.

Страна для нас открыла двери,
А до Москвы – рукой подать.
Я, как и все, в удачу верил,
В себя и Божью благодать.

Познать весь мир хотелось сразу,
Манили дальние края.
По зову сердца и приказу
Рванул я к северным морям.

У Магадана берег стылый,
Не сыщешь брода и моста.
И Колыма не так постыла –
Медвежий угол те места!

Там не построишь в сопках дачу –
Кругом торосы, вечный лёд.
Решай, как можешь, сам задачу
В пургу, в мороз и гололёд.

Пустой карман и тот с прорехой,
Шутили часто бунтари.
По службе были чтоб успехи –
Так у военных исстари.

В семье возникли неполадки –
Глушь, неустроенность в быту.

Тогда ведь всем жилось несладко,
Коль говорить начистоту.

Эвены, чукчи, эскимосы –
Трудяги вечной мерзлоты.
Какие могут быть вопросы?
Я с ними тоже был на «ты».

Не приглянулась мне Чукотка,
Нашёл покой в родном краю.
Лишь проскользнула грусти нотка –
Теперь я точно не в строю.

Давно уж свёрнуты палатки,
Волненья, страсти улеглись.
Перед глазами снова хатки,
Пути-дороги разошлись.

Но не иссяк задор мой юный,
Не истончилась жизни нить.
Холмы не сдвинулись, как дюны,
И это надо оценить.

Я стал покладист поневоле,
Коль правде посмотреть в глаза.
Роднее, ближе стало поле,
Чем год иль два тому назад.

...У каждого из нас свой выбор,
Поэт надеждою живёт.
Тот, кто об лёд не бился рыбой,
Навряд ли истину поймёт.

А ты о жизни расскажи...

Не беспокоит детвора,
Не подают сигнал тревоги.
Настала тихая пора,
Ты словно тополь у дороги.

Ты не мешаешь никому,
И это стоит уваженья.
Царит спокойствие в доме
Без суеты и напряженья.

Да вот заехал отставник,
Тянул и он когда-то ляжку.
Всегда шутник, а тут вдруг сник,
Хрипя «Разлуку» под тальянку.

«А ты о жизни расскажи,
О чём сегодня пишет пресса?
Достали плуты-типажи
В эпоху общего прогресса».

Проговорили до утра
Про наши вечные реформы.
Они как прадедам муштра,
Перестарались выше нормы.

Зачем-то вспомнили Петра,
Что «прорубил» окно в Европу.
Да, голь на выдумки хитра,
Бежим туда скорей галопом!

Несовместимы лоск и шик
И обнищание народа.
Закрыл на время свой дневник,
В душе от мыслей непогода...

Назначено судьбою

Мне назначено было судьбою
Прошагать километры дорог,
И, как колос в часы градобоя,
В испытаниях выстоять смог.

Я ходил по дорогам Сибири,
И по тропам, устеленным мхом.
Я не щёлкал на счётах цифири
И не гнался за славой верхом.

Так надёжнее двигаться к цели,
Чем на брюхе куда-то ползти.
Лучше уж холода и метели,
Чем годами сидеть взаперти.

Это всё же огромное счастье –
Прошагать километры дорог.
Позади холода и ненастье,
Можно братья писать эпилог...

Небесный меридиан

Вблизи околицы – мои столбцы,
Поля и рощицы – мои широты.
Здесь деды жили и отцы,
На нас легли все их заботы...

Поют о юности в садах скворцы,
В глазах – слеза, как от пылинки.
А на душе саднят рубцы,
К ним не приложишь цвет барвинок.

Мне в сердце будто венок вплели,
Нигде не вижу родные лица,
В степи склонились ковыли,
А над рекой туман клубится...

В ушах звенит печальный звон,
Как будто скрипки плачут струны...
Нет! С глаз долой, из сердца вон
Печаль и грусть слепой фортуны.

Прямых дорог ведь в жизни нет,
И глубока на сердце рана.
Душе, измотанной от бед,
Пролился б свет меридиана...

И клён последний лист обронит...

Ночами ветер мне гудит,
Он от меня печаль отгонит.
Лицо порывом охладит,
И клён последний лист обронит...

И я у клёна постою,
Ладонью трону, словно друга.
И расскажу про жизнь свою,
Как рвусь из замкнутого круга.

А клён лишь кроною качнёт,
Не зная выхода иного.
И до земли он ветвь пригнёт,
Чтобы ушла с души тревога.

И я вернусь в свой старый дом,
Чтоб подвести судьбы итоги.
Кому теперь скажу о том,
Какие пройдены дороги...

Сельской отчины дети

На снегу голубеет
Дивных пролесков цвет.
Моё сердце согреет
Детства нежный букет.

Сельской отчины дети,
Босоногая голь,
Мы в часы лихолетья
Знали слёзы и боль.

Время нас испытало,
Только сдюжили мы.
Не свалила усталость
На берегах Колымы.

Годы раны залечат
У солдата-бойца.
Что взвалил он на плечи,
Пронесёт до конца...

На снегу голубеет
Дивных пролесков цвет.
Моё сердце согреет
Детства нежный букет.

Мне не писать потомкам мемуаров...

Мне не писать потомкам мемуаров
И не кричать начальникам: «Ура»!
Я не имею в банках авуаров,
В пустом кармане светится дыра.

Но я купил трёхрядную гармошку,
Зачем о прошлом в старости тужить?
Ведь выбрал сам опасную дорожку:
России-матери, Отечеству служить.

Мне не забыть застой и перестройку,
И девяностые – лихие времена.
Тряхнуло так партийную прослойку,
Что не звучат теперь их имена.

Дела идут ни шатко и ни валко,
Гребут чины добро в свой сундучок.
А если где-то вспыхнет перепалка,
Сполна ответит русский мужичок...

Мне не писать потомкам мемуаров,
И не кричать начальникам: «Ура»!
У них открыты в банках авуары,
И сочинять – большие мастера...

Не стать мне, ребята, богатым...

Не стать мне, ребята, богатым,
Не светит мне, как ни крутись.
Вокруг полусгнившие хаты –
К богатству не видно пути.

Нет, легче нам вовсе не стало,
Хоть многим намяли бока.
Низвергли вождей с пьедестала,
А новых не знаем пока.

Достойную жизнь обещали,
Устали терпеть и страдать.
Отцы наши кушали щавель,
А нам-то чего теперь ждать?

Глаза приоткрыла реальность –
Коррупция прёт через край.
Такая, простите, ментальность –
Опять обещают всем рай...

Сила творчества

Не до веселья и сомнительных забав,
Когда внезапно рухнули устои.
Скрипит колёсами крестьянская арба,
Дороги наши – дело не простое.

В столе – стопа зачёркнутых страниц,
Я отупел от несусветной брани.
И взглядом провожая стаи птиц,
Хотел бежать за ними вслед быстрее лани.

Вконец устал от линий и границ,
Не радовался лозунгам и стягам.
А кто-то падал перед «ротшильдами» ниц
Или надеялся, как прежде, на варягов.

Не от того ль истерзана душа?
Земля моя! И ты сдана в аренду?!
И грязи на нас вылили ушат,
Освистывая старую легенду.

В глазах не стало прежнего огня,
На сердце камень тяжелее гири.
И захотелось оседлать коня
И проскакать остаток русской мили.

...Вот, наконец, забрезжился рассвет,
Затяжками попыхивала трубка.
Осталась в памяти на много лет
О силе творчества зарубка.

Грозы над Россией

Когда утихнут грозы над Россией
И струнные оркестры зазвонят,
Поеду я в урочище Осинник –
Поля родные ждут давно меня.

Увижу ранние, живительные всходы,
Что к свету тянутся рядами из земли,
Забуду перелёты и походы,
Сниму от пота взмокшие ремни.

И пограничники, уставшие в погонях,
Вдохнут свободно тоже вдалеке.
А их горячие породистые кони
На водопой ускачут налегке.

И часовые наши в караулах
Не станут передёргивать затвор,
И мы в любом селенье и ауле
Услышим задушевный разговор.

...Ещё не стихли грозы над Россией,
И раны незажившие болят.
Я, как впервые, на родной Осинник
Бросаю строгий утомлённый взгляд.

О. Ю. Лофицкой

Пью капли живительной влаги,
Вдыхаю прохладу росы,
Две строчки на белой бумаге –
Ваш почерк с наклоном косым.

Как мог предаваться я грусти,
Читая посланья княжон?
Я мало что смыслю в искусстве –
Мелодией слова сражён!

Запах хвои

Вдыхаю тонкий запах хвои,
Ступив на шаткое крыльцо.
Над домом пчёлы вьются роем,
Неся в ульи нектар с пыльцой.

А сад наполнен птичьим пеньем,
Чаруют трели соловья...
Как много сил и вдохновенья
Дарует Родина моя!

Среди полей

Я, как во сне, иду среди полей –
Заколосилась рожь, под стать пшеница.
Но я не вижу там любимых журавлей,
Наверно, мне пора угомониться.

Ах, поле-полюшко, ты не взыщи,
Что я к твоим росткам лишь прикоснулся.
И, ветер северный, мне не свищи,
С тобою на пути не раз столкнулся.

Поклон кладу тебе, цветущий лён,
Тебе – расти, цвести, а мне – клониться.
У дома ждёт меня мой старый клён,
Я только там могу уединиться.

А радуга к себе опять меня манит,
Цветастым кружевом весь луг покрылся.
И солнце уж давно прошло зенит,
Но луч за горизонт ещё не скрылся.

К чему спешишь или чего ты ждёшь?
Путь не закроется туманным пологом.
Рассвет свой встретишь и судьбу найдёшь
На жизненном пути – тернистом, долгом.

Осенние мотивы

Преподаёт нам осень сюрпризы,
Ливни стог спрессовали в брикет.
Водопады стекают с карнизов,
Пригодятся и зонт, и жакет.

То распутица, то гололедица,
Не поймать уже в речке ерша.
Рассердилась Большая Медведица,
Поливает дождём из ковша.

Плачут каплями голые ветки,
Не найти в перелесках опят.
Канарейки свистят только в клетках,
А ежата давно уже спят.

В хмуром небе порхают снежинки,
И подёрнулась рябью вода.
Опустели лесные тропинки.
Межсезонье – пришли холода.

В полыньях ещё плавают утки,
Кромка льда, как прозрачный хрусталь.
И несут реки круглые сутки
Вод осенних холодную сталь.

Не звучат уж давно дискотеки,
Вьюга скоро поднимет свой вой.
От мороза слипаются веки,
Отоспится природа зимой.

Осень

Осень золотом ярким пылает,
Бабье лето уже отцвело.
Солнца луч свой привет посылает,
Отражаясь в реке за селом.

Небосвод снова чист и прозрачен,
Озимь всходит зелёным ковром.
Лес багряной каймой обозначен,
Возвышаясь вдали за бугром.

Диск ярчайший повис над запрудой,
Цветом вишни облит краснотал.
Краски осени – тихое чудо!
Я о днях таких втайне мечтал.

Вы зимой не услышите трелей...

Вы зимой не услышите трелей,
Не увидите клин журавлей.
Уж постригли со льна все кудели,
Вереницы степных кораблей.

Так устроена наша природа –
Одинок у стылых прудов.
Будто вечность – всего-то полгода!
Всё во власти земных холодов.

Звон капли разбудит овраги
И наполнит их талой водой.
Не ходите к берёзам с баклагой,
Пусть их сок пьёт листок молодой.

Зашумят вновь зелёные кроны
И в садах запоют соловьи,
И в лучах от небесной короны
Зашныряют в траве муравьи.

Подождите, осталось немного,
Скоро роза раскроет бутон.
Он спасёт нас от дыма и смога,
И в мажор зазвучит камертон.

Не вспоминаю о столице

Не вспоминаю о столице –
Там много праздной суеты.
Решил в деревне поселиться
И за собою сжѐг мосты.

Жить на селе – предел желаний,
Вокруг – земная благодать.
Лишь надо сжать покрепче длани
И непременно созидать.

Вблизи – цветущий город стали,
Земля – ценнейший чернозѐм.
Денѐчки светлые настали!
И воз мы свой не зря везѐм.

Вдыхать там буду запах мяты
И нивы хлебные стеречь.
Пускай не стану я богатым,
Ведь не об этом, други, речь!!

Я порт покинул навсегда...

Я порт покинул навсегда,
Швартовы отдали суда.
И затерялись все следы,
Где снег и паковые льды.

Не потерял и не нашёл,
Своим путём, как мог, прошёл.
И там, упёршись в мерзлоту,
Познал земную красоту.

Теперь порой звучит сквозь сон
Надрывный ноющий клаксон,
Как в шторм забортная вода
Могла отправить в никуда.

Но я уехал навсегда,
А в порт опять пойдут суда.
Навстречу радужной мечте,
Снегам и вечной мерзлоте.

Уйдут года

Как воды вешние, уйдут года,
И нам останутся для утешения
Берёзка стройная, что у пруда,
Да небо ясное за все лишения...

Ностальгия

Когда гремит раскатами гроза
И лупит дождь по крыше за окошком,
Туманит взор случайная слеза,
И лёд встаёт не льдом, а рыхлой крошкой.

Я возвращаюсь в мыслях в те года,
Где за спиной – гора у Сусумана,
А у причала вешняя вода
Ломает лёд чукотского лимана.

Но вновь сажу ночами у костра,
На берегу реки под сенью ивы.
И будоражат память до утра
Далёкие заливы и проливы...

Чернила высохли

Чернила высохли, и в пальцах – лёгкий хруст,
И белый лист заполнился строками.
А под окном зацвёл сирени куст,
А небо серебрится облаками.

И снова я склоняюсь над листом
И начинаю вольный пересказ,
И, как художник пред натянутым холстом,
Штрихом последним завершаю свой рассказ.

ПЕСНИ

Выйду из дому рано...

Выйду из дому рано
В поле зорьку встречать,
Тишина возле стана,
И колосья молчат.

Только нивы родные,
Под горою ключи,
И дубы вековые,
С небосклона лучи.

Здесь и синее небо,
И начало дорог,
Запах мёда и хлеба
И родимый порог.

И просёлки степные,
Уводящие вдаль,
И цветы полевые...
И на сердце печаль...

Выйду из дому рано
В поле зорьку встречать,
Тишина возле стана,
И колосья молчат.

Что не спел ещё...

*Посвящается
Александре Васильевне Логачёвой*

Что не спел ещё, что сказать забыл,
Я берёзоньке доскажу...
Стёрлись в памяти верстовые столбы,
Но об этом я не тужу.

Рядом с ней, родной, белоствольною,
Я черёмуху посажу.
Сочиню стихи, стихи вольные,
Но кому я их покажу?

Цветы белые, кисти нежные
Майским вечером зацветут.
Ну а ландыши белоснежные
Будут радовать до свету.

Что не спел ещё, что не высказал,
Я берёзоньке доскажу...
Не прольёт она с веток сок-слезу,
Я о грустном ей не скажу.

Память сердца

Заросли травой и не радуют
Тропки-ленточки за рекой.
Листья жёлтые наземь падают.
Хоть до осени далеко.

Эх, судьба, судьба горемычная,
Что летишь, кричишь журавлём?
Где теперь друзья закадычные?
Всё давно уже поросло быльём.

Кони резвые все стреножены,
Бьют копытами землю-твердь.
Отчего душа растревожена?
Измотала жизнь-круговерть.

Эх, судьба, судьба горемычная,
Что печалишься ясным днём?
Может, ты грустишь от усталости?
Так гори оно всё огнём!

Журавли на юг собираются,
Унесут с собой журавлят.
Они по миру не скитаются,
Вечный путь весной повторят.

Эх, судьба, судьба горемычная,
Что летишь, кричишь журавлём?
Одиночество – вещь обычная.
Отчего тогда слёзы льём?

Отзвуки войны

Я к сосновому бору
Прихожу по весне.
В эту дивную пору
Мысли все о войне.

Я заранее знаю:
Лес – глухая стена.
Без конца и без краю
Нынче там тишина.

Вот засыпанный хвоей
Одиночный окоп.
Может, здесь храбрый воин
Рухнул навзничь как сноп.

Может, в этом окопе
Пулемёт замолчал...
Когда немцы шли скопом,
Тут боец их встречал.

Он, страну защищая,
Свою жизнь не сберёг.
За погибших отмщая,
В землю русскую лёг.

Ослеплённый закатом,
Я стою, как в огне.
Будто с павшим солдатом
Побывал на войне.

Острова

Порыжела от ливней трава.
Заострились верхушки у сосен.
Я ночами не сплю, как сова.
В мою дверь постучалась осень.

Не несёт больше конь седока,
И в глазах моих холод-стужа.
Мысли – рваные облака,
А дела – и того хуже.

Сколько встреч и разлук на пути,
Сколько сложено солнечных песен,
А теперь только ветер свистит,
Когда еду в родимые веси.

Вдаль уплыли мои острова,
Да и реки мои обмелели.
Надо мною небес синева,
Словно нежный этюд акварели.

И, рифмуя в раздумье слова,
Не рисую жизнь в розовом свете.
Вдаль уплыли мои острова,
Но куда – мне никто не ответит...

Защитники Отечества

Парад Победы. Бой Курантов.
Команда к выносу знамён.
И строй молоденьких курсантов
Сомкнулся в первый батальон.

В строю – равнение на Знамя,
В руках солдата – алый стяг.
Как жаль, что многих нет уж с нами
Из тех, кто штурмом брал Рейхстаг.

...Они спасали честь России –
Я это трижды повторю.
И жизни из последней силы
Несли к святому алтарю.

Они с фашистами сражались,
Стирая пот и кровь с лица,
И славу вовсе не стяжали
От полководца до бойца.

И вот теперь их дети, внуки
Чеканят шаг в одном строю.
Азы суворовской науки
Им предстоит познать в бою.

Да, есть великий День Победы,
Других немало славных дат.
И наше жизненное кредо –
Чтить память доблестных солдат...

Алеет гранит

На фронте сражались солдаты-герои,
А матери, жёны растили детей,
И в трудные годы хранили устои,
И ждали победных с войны новостей.

А в семье несли и несли похоронки,
И стал сорок первый для всех роковым.
Погосты, кресты на родимой сторонке,
Навечно остался солдат часовым...

Последние залпы войны отгремели,
И мирное небо теперь над страной.
Её защитить ветераны сумели,
И мы за Отечество встанем стеной!

Овеяны славой знамёна России,
И память о павших народ наш хранит.
Чтоб хлебные нивы всегда колосились,
Алеет гвоздиками серый гранит...

Не унывай!

Уж волосы покрылись сединой,
И силы наши, видно, на исходе,
И не тряхнуть теперь нам стариной,
Не побывать в дозоре и походе.

Но бредим по ночам своим полком,
И мысленно в строю под стягом алым.
И помним переходы марш-броском
По горным тропам и по перевалам.

Путёвку в жизнь нам дали вместо виз,
Без всяких привилегий и без брони.
«Вперёд, боец!» – вот главный наш девиз,
И всё перед тобой, как на ладони.

Не унывай, товарищ комполка,
Ведь мы с тобой по-прежнему солдаты!
И давит нас звериная тоска,
Когда идём в больничные палаты.

Когда во взгляде чувствуется лёд,
Когда сквозят озлобленность, досада,
Мне смелый воин руку подаёт,
Другого ничего уже не надо.

С тобою нам сегодня по пути,
Мы до конца пройдем дорогу эту.
С дистанции теперь нам не сойти,
И мы верны армейскому обету!

Наедине с природой

Зашумел по ветвям ветерок,
Дуновением душу лаская,
И с фиалки сорвал лепесток,
Как мальчишку, меня развлекая.

Я нашёл для себя уголок,
Где живёт заблудившийся ёжик.
Уведут от соблазнов и склок
Сердцу милые ленточки стёжек.

Я по ним снова в поле пойду,
Вспомню, как собирал там колосья,
Как с друзьями играл в чехарду.
Рядом с полем когда-то ведь рос я.

По оврагу спущусь к роднику
И умоюсь водой ключевой,
И к сплетённому в поле венку
Я добавлю пахучую хвою.

Я иду, чтобы к сроку поспеть
К тем местам, где я бегал подростком.
Всё, что дорого, мне бы воспеть,
Но лишь память звучит отголоском.

Расцветает родная сторонка

Расцветает родная сторонка,
Необъятное море полей.
Мне весною мелодией звонкой
Дарит радость певец – соловей.

В перелесках, садах и дубравах,
В придорожных цветущих кустах,
И у речки в лекарственных травах
Льются трели божественных птах.

Даже пёстрых щеглов щебетанье
Не смолкает весной до зари.
Затаив на мгновенье дыханье,
Я смотрю, как парят сизари.

Забелели на склонах фиалки,
Копошатся в траве мураши.
У детишек шары и скакалки –
Это праздник для русской души!

Я вернулся

Я вернулся в край тихий, родимый,
Предо мной – перелески, поля,
Божий храм, прихожанами чтимый,
И постройки родного жилья.

Вот дубрава у старой дороги,
Слева – пруд и родник за мостом.
За пригорком со склоном пологим
Луг раскинулся пёстрым холстом.

В травы росные брошусь с разбега
И к ромашкам душистым прильну.
Позвоню своим братьям-коллегам –
Наконец-то нашёл целину!

И пойду я пешком вдоль протоки,
Наслаждаясь мелодией птах.
Здесь и корни мои, и истоки,
И друзья-одногодки в летах!

Деревенские напевы

Частушки

Заходи ко мне, Серёга,
Будем вместе песни петь,
Или сядем в позу йога
Половицами скрипеть?

Разгулялась нынче вьюга,
Разводить пора очаг,
Жду зазнобу Ладу с юга –
Познакомились в Сочах.

А Сергей, кусая губы,
Бац – с порога: «Жми басы!»
И эпитет очень грубый –
Хохотушка без косы.

Сядь-ка ты, Сергей, на лавку.
Не клади мне палец в рот.
Посмотри на свою Клавку –
Обхохочется народ!

Вот она, красotka Лада,
Шубка белая на ней.
Мне не жалко три оклада
Для прогулочных саней!

Запрягу коней я цугом,
Ленту шёлкову в дугу,
И помчимся по-над лугом:
«Тебе нравится?» – «Угу».

Я конями лихо правлю –
Ох, и шибкая езда!
Вот в Москву тебя отправлю,
Ты без конкурса звезда!

Пели с Ладю частушки
И плясали под гармонь.
Продолжали бы пирушку,
Да устал горячий конь.

Закурил я козью ножку,
А в груди огонь горит.
Отложил свою гармошку –
Во мне гордость говорит...

Вышел казус с этой пляской –
Размагнитилась руда.
На санях езда – не тряска,
Да с коленцами беда!

Покажу зазнобе удаль –
Я же парень хоть куда.
Лада мне: «Не надо, сударь,
Мы ж ударники труда!»

Ух!

Это наша Родина

*По материалам публикации в газете
«Белгородские известия»*

Внешне суровый и с военной выправкой Михаил Анисимов поражает с первых минут встречи теплотой голубых глаз, которую не скрыть за стёклами очков. Знакомимся, хотя, скорее, представляемся, ведь мы уже общались по телефону, и без долгих предисловий приступаем к работе.

Бывший кадровый офицер, а сейчас подполковник в отставке, поэт и публицист, финалист разных литературных конкурсов Михаил Кузьмич не привык тратить время на праздное безделье.

– Всё в моих книгах – правда: от первого до последнего слова. А стихи и проза автобиографичны – в них моя долгая жизнь, – рапортует знаменитый житель Чернянского района.

БЛАГОДАРЯ УЧИТЕЛЮ

Со словами: «Вот, послушайте», – начинает читать стихи по памяти, не заглядывая ни в изданные сборники, ни в монитор ноутбука, где к нашей встрече Михаил Анисимов подготовил «доказательства» своих встреч с юными чернянцами – на личной странице в социальной сети нашли своё отражение все школьные мероприятия, а также архивные фотографии с прошедших выставок книг и авторских вечеров.

Михаил Кузьмич с радостью общается со школьниками: рассказывает ребятам о прожитых годах, делится военным опытом и всегда вспоминает своего учителя русского языка и литературы Ивана Рязанцева.

– Я ведь был тогда такой же юный, как и эти мальчишки, – отмечает Михаил Анисимов, показывая на фото с учениками Орликовской школы. – Иван Григорьевич обратил внимание на мой талант и все годы учёбы в школе помогал мне на литературном поприще.

Михаил Кузьмич со словами благодарности вспоминает, как любимый учитель приносил недоступные для ученика журналы и газеты, где публиковались новинки мастеров слова и начинающих авторов Советского Союза. Учитель словесности давал советы одарённому школьнику и верил, что Михаила ждёт большое литературное будущее. Михаил Кузьмич уверен, что именно простой сельский учитель дал путёвку в жизнь литератору Анисимову, и всегда, рассказывая о себе и своём творчестве, в первых словах благодарит Ивана Григорьевича.

Вспоминает Ольга Ивановна, родная дочь Ивана Григорьевича Рязанцева, в прошлом учительница Орликовской средней школы, приехавшая вместе с Михаилом Кузьмичом в библиотеку: «Папа даже обижался немного, что Михаил Анисимов вместо журналистики поступил на юридический факультет. Он был уверен, что его любимого ученика ждёт большое будущее в литературе. Когда Михаил Кузьмич приезжал в деревню, они встречались и долго беседовали. Это были очень душевные разговоры обо всём – о жизни, литературе и службе».

О ЧЕСТНОСТИ И ПОРЯДОЧНОСТИ

Сегодня Михаил Анисимов, как когда-то его наставник, помогает найти ребятам призвание в жизни. Он рассказывает не только о романтике службы в должности военного следователя, но и о сложных послевоенных годах, а также о том, что, поставив перед собой цель, нужно прилагать все усилия для ее достижения. Так, зная, что для поступления на юридический факультет МГУ нужен трудовой стаж не менее двух лет, девятиклассник Миша Анисимов устроился работать в местный колхоз.

А ещё он стал первым выпускником школы, который окончил её с золотой медалью.

– Делюсь с ребятами воспоминаниями о том, как проходила учёба в университете, о том, с какими трудностями сталкивался уже во время работы. Хотя до сих пор не обо всем можно рассказать, – улыбается бывший старший военный следователь.

В его взгляде появляется отеческая забота, свойственная представителям старшего поколения, которые не только восстановили страну из руин после Великой Отечественной войны, но и спустя полтора десятка лет запустили спутник, а потом первого человека в космос.

Особые слова находит Михаил Кузьмич для старшеклассников – ребятам вскоре предстоит пойти в армию и стать защитниками Отечества. Подполковник в отставке делится историями своих трудовых будней – это не только расследование дезертирства и хищений, но и другие преступления.

– Всегда рассказываю будущим солдатам, как мне однажды пришлось проводить расследование нелепого преступления. Солдаты-срочники стали баловаться оружием на посту, решив поиграть в «войнушку». Один из них направил автомат на сослуживца и нажал на курок. Глупая шутка закончилась смертью и военным трибуналом, – вспоминает Михаил Анисимов, замечая при этом, что у слушателей сразу меняется взгляд, приходит осознание серьёзности скорого будущего. – Молодые люди спрашивают, чем отличается военная прокуратура от прокуратуры гражданской. И когда узнают, что я был серьёзно ранен при исполнении воинского долга, просят рассказать об этом подробнее.

Среди невероятных историй, которые можно услышать из уст Михаила Кузьмича, есть и эпизод с отключением двигателя самолёта во время полёта, и невероятные приключения во время ночных вызовов на происшествие, и воспоминания об опасных горных перевалах, перемещение по которым однажды чуть не стоило молодому следователю жизни.

Но о чём бы ни говорил Михаил Анисимов, он всегда старается донести ребятам, что в жизни важными качествами всегда были и будут честность, ответственность и дисциплина, а также хорошая физическая форма.

– В молодости я занимался боксом и самбо, увлекался лыжами и футболом. Постоянные тренировки и здоровый образ жизни ещё ни разу никого не подводили, – улыбается Михаил Кузьмич. – Служба в армии – это выдержка, терпение, верность своему долгу и Отечеству.

«СУРОВЫЙ ЧАС, НЕЛЬЗЯ МОЛЧАТЬ»

Как и на встречах с читателями, так и в творчестве отдельное место занимает тема Великой Отечественной войны и специальной военной операции. Михаил Анисимов родился в 1946 году и, конечно, не застал войну, но о тяготах послевоенной жизни знает не понаслышке. История его семьи – это пример мужества и стойкости, память о которых он бережно хранит.

– Наше поколение не могло быть не патриотами. Война напоминала нам о себе с самого детства, и о ней мы знали со слов наших отцов и дедов.

Родной дядя, младший лейтенант Логачёв Никита Степанович, родился в 1913 году. Окончил в 1935 году Курский педагогический институт, работал учителем математики в одной из школ города Задонска. Когда началась война, у него была бронь, учителей с первых дней войны в армию не призывали. Но он сказал отцу и матери: «Страна в опасности. Я не могу отсиживаться дома». 24 июня 1941 года был призван по мобилизации в армию, направлен в Орловское бронетанковое училище, а по окончании учёбы в марте 1942 года убыл на фронт. Последнее письмо с фронта родителям он отправил 8 июня 1942 года. В нём он написал: «Мы с взводом уничтожили 10 фашистов. Или умру, или когда-то приеду с Победой. Прощайте и простите меня».

3 июля 1942 года командир взвода мл. лейтенант Логачёв Н. С. погиб в бою под Старой Руссой.

Ни одна страница изданных книг Михаила Анисимова посвящена родным, которые с честью несли звание русского солдата и офицера.

Михаил Анисимов приводит пример из жизни, вспоминая о том, как встретил новость о начале СВО. Он сразу расставляет все точки над «і». Михаил Кузьмич отмечает, что в его жизни всегда было много испытаний, но он старался их пройти с честью.

– У нас была одна большая Родина – Советский Союз. А потом по сговору нескольких предателей её не стало. Огромное государство рассыпалось на осколки. В 1992 году я вынужден был уехать из Украины в Россию, поскольку принимать украинскую присягу категорически отказался.

Многолетние украинские события, а также обстрелы приграничных регионов нашли отражение в творчестве чернянского поэта. В его стихах – «пантеры» и «леопарды», а взрывы в Прохоровке 1943 года и Белгороде 2023-го тесно связаны и вызывают боль в душе военного пенсионера.

– Это моя Родина. «И этим всё сказано», – говорит Михаил Анисимов и цитирует стихотворение «В суровый час», которое часто читает современным школьникам, проводя параллели судьбоносных событий для нашей страны.

В суровый час уже нельзя молчать,
Я говорю о Третьем поле ратном,
Где не погаснет Памяти свеча,
О тех, пред кем в долгу мы неоплатном.

На поле брани нет давно рапир,
Разрывы мин закладывают уши.

И в нашем граде натовский «Вампир»
На части рвёт израненные души.

И вновь кресты на башенной броне,
Они ползут поближе к русским хатам.
И клич: «В ружьё!»- пронёсся по стране,
И не сломить им русского солдата!

СТИХИ И КНИГИ НА ПАМЯТЬ

Показывая объёмный фотоархив регулярных встреч с подрастающим поколением не только Чернянского района, но и всей Белгородской области, Михаил Анисимов улыбается, вспоминая, как однажды девочка расплакалась по завершении беседы.

– Я всегда прихожу к детям с распечатанными стихотворениями и дарю их участникам встречи. Оказалось, что малышке не достался памятный лист с автографом, и она расстроилась до слёз, – говорит Михаил Кузьмич. – Вместо отдельного листа – подарил ей сборник с автографом.

Его очень радует, что на таких литературных мероприятиях школьники читают стихи известного земляка и признаются, что это очень волнительно, а в присутствии автора – вдвойне.

В завершении нашей встречи Михаил Анисимов дарит одно из своих последних произведений «Записки следователя военной прокуратуры» и подписывает автобиографичную книгу на память с приглашением прийти на презентацию его нового сборника «Избранное», куда вошли не только стихи и проза, но и отдельной главой – песни белгородского автора.

– Божий дар – мне, книги – читателю, – говорит чернянский писатель, отмечая, что все сборники он всегда преподносит в дар как библиотекам, так и друзьям, и знакомым. – Больше 11 книг уже издано, не считая различных альманахов, сборников, журналов, и все они стали подарками. Главный мой принцип – я книгами не торгую.

Объёмный сборник уже готов к печати, и сейчас идут заключительные работы непосредственно перед его изданием. Всё должно быть выверено – точно и идеально, – подчиняясь главным принципам жизни Михаила Анисимова.

– С Чернянской центральной библиотекой мы давние друзья. Здесь прошло уже не одно мероприятие. Спасибо коллективу, что и к сегодняшней встрече сотрудники подготовили небольшую выставку изданных книг, – говорит Михаил Кузьмич. – В конце декабря запланирована презентация сборника. Приезжайте. Будете самыми почётными гостями. Первые экземпляры «Избранного» – вам.

Екатерина Алавердян,
корреспондент газеты «Белгородские известия»,
член Союза журналистов России

СОДЕРЖАНИЕ

Стихи и проза

Родная сторонка	5
Я вернулся в край тихий, родимый... ..	7
Навечно в памяти народной	8
Последнее письмо с фронта	9
Печальный рассказ	11
В Гремячем лесу тишина	13
Они и хатам были рады... ..	14
Бессмертный полк	14
Было время - горела земля... ..	15
Он не вернулся с фронта... ..	16
Военная подготовка при МГУ. Военные сборы	17
Школьные годы. Поездка в Белгород	21
Лыжные гонки	24
Третий (трудовой) семестр. Таёжная глухомань .	26
Рай земной по ночам мне не снился... ..	29
На целину	30
Стереоскопическое кино	36
Огонь не открывать... ..	37
Перемещение по службе	41

Профессия – военный следователь.

Следственная практика

Расследование закончить в месячный срок	43
Сто дней до приказа	47
Трагедия в карауле	49
Исследование микрочастиц	51
Детоубийство	54

Ночной вызов	57
Купите карабин	61
Следственный эксперимент	62
«Насолить» начальнику	65
Горе-охотники	68
Самострел	70

Стихи и проза

На Крайнем Севере	72
Я на годы покинул родной уголок... ..	73
Колымский маршрут	74
Друг мой в Омсучкане прозябает... ..	75
Ловля краба	76
На корюшку (Из «Колымского дневника»)	78
Озеро Джека Лондона	79
Зарисовка о Чукотке. Поездка в Билибино	81
Северное сияние	83
Лососёвая путина	83
Чукотский евражка	85
Ледовая переправа	87
Привычный маршрут	88
Идти навстречу друг другу	92

Стихотворения

Я буду петь о Родине моей	94
Летели на фронт эшелоны... ..	95
Халхин-Гол	96
Солдатская вдова	97
Прерванная поступь	98
Ратное поле	103
Затерялась тропинка	104

Путеводная звезда	105
Послевоенное поколение	106
Чукотские мотивы	108
Чукотка	110
В суровый час	111
Под Славянском бои	112
Полыхают зарницы	113
Меня не позовут на пир и бал... ..	114
Настали времена	115
Я потерял не деньги – нечто большее... ..	116
На Рублёвке я не жил... ..	117
«Причёсанные фразы»	118
Пусть хоть свод небесный рухнет	119
Предвыборный пиар	121
Окрылённые свободой	122
Перестроились... ..	123
Мысли вслух	124
Когда была разрушена страна... ..	125
Острые углы	126
Мы никогда в героях не ходили... ..	127
Дождёмся ли мы лучшей доли?	128
Не сотвори себе кумира	129
Мой выбор	130
А ты о жизни расскажи... ..	133
Назначено судьбою	134
Небесный меридиан	135
И клён последний лист обронит... ..	136
Сельской отчины дети	137
Мне не писать потомкам мемуаров... ..	138
Не стать мне, ребята, богатым... ..	139
Сила творчества	140
Грозы над Россией	141
Пью капли живительной влаги... ..	142

Запах хвои	142
Среди полей	143
Осенние мотивы	144
Осень	145
Вы зимой не услышите трелей...	146
Не вспоминаю о столице	147
Я порт покинул навсегда	148
Уйдут года	148
Ностальгия	149
Чернила высохли	149

Песни

Выйду из дому рано...	150
Что не спел ещё...	151
Память сердца	152
Отзвуки войны	153
Острова	154
Защитники Отечества	155
Алеет гранит	156
Не унывай!	157
Наедине с природой	158
Расцветает родная сторонка	159
Я вернулся	160
Деревенские напевы	161

Екатерина Алавердян «Это наша Родина!»	
Интервью с М.К. Анисимовым	162

Авторская страничка Михаила Анисимова
на сайте издательства РОСА



Сборник песен на стихи Михаила Анисимова
на сайте издательства РОСА



Михаил Кузьмич Анисимов

ИЗБРАННОЕ

Редактор Виктор Верин
Корректор Оксана Степанова
Художник Наталия Медведева
Вёрстка – Пётр Гасев

Издательство РОСА

119019, Москва, ул. Арбат, 35, офис 439
Главный редактор Сергей Викторович Галиченко

e-mail: 885533@mail.ru <http://www.art-rosa.ru>

Электронная версия издания
подготовлена в издательстве РОСА
25.12.2024